

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Владимир ПРЯГИН
ВОЛНОЛОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Конец девятнадцатого столетия, альтернативный мир. Опорой прогресса здесь служит не только техника, но и полумистическое искусство, называемое светописью. Могущественный Третий департамент следит, чтобы светопись не использовалась во зло. Однако даже он не в силах предотвратить череду загадочных жестоких убийств в одной из европейских столиц. Следствие в тупике — способности, которыми обладает убийца, кажутся совершенно невероятными. Чтобы распутать дело, приглашается консультант — мастер-эксперт, бывший участник секретной правительственной программы.

Владимир Прягин

Волнолом

© Владимир Прягин, 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

К зданию Третьего департамента Генрих подкатил на извозчике. Коляска с поднятым верхом, качнувшись на рессорах, остановилась у чугунных ворот.

Кучер обернулся, не выпуская вожжи из рук. Лицо у него было красное от мороза, пышные усы заиндевели, на форменном пальто с алым воротником блестела медная бляха, удостоверяющая, что ее обладатель управляет экипажем первого класса.

— Пожалуйте, герр профессор.

Вообще-то свой род занятий Генрих не афишировал, но догадливость кучера его нисколько не удивила. Тот был явно человек опытный, в извозе не первый год. За такой срок волей-неволей приобретешь практические познания в физиогномике и новомодной науке под названием «психология». Ну и, конечно, у любого извозчика в кармане припрятан заряженный амулет, позволяющий просвечивать пассажиров.

Впрочем, амулет — это так, подспорье. Ничего конкретного не покажет — ни возраст, ни профессию, ни тем более имя. Только общий эмоциональный настрой и уровень агрессивности. Чтобы возница понял, можно ли драть с клиента втридорога или лучше поостеречься.

— Сколько с меня?

— Две марки.

Вот, кстати. Если по совести, то запросил бы максимум полторы — от вокзала ехали минут десять. Но чувствует ведь, стервец, что этот клиент торговаться не будет.

Выбравшись из коляски, пассажир огляделся и тяжело вздохнул. Он не был здесь уже очень давно и, грешным делом, надеялся, что больше никогда не окажется по этому адресу. Да и вообще в столицу не собирался. С каким удовольствием он остался бы сегодня дома, в предместье! Сидел бы сейчас в уютной квартире и набивал бы трубку, лениво глядя в окно и зная, что впереди простой и понятный день, наполненный шелестом старых книг и ароматом кофе...

Он так ясно представил себе эту картину, что чуть не начал забираться назад в экипаж, но быстро взял себя в руки. Нет смысла дергаться — от *этих* не убежишь, спокойной жизни теперь все равно не будет.

Да и какое уж тут спокойствие, если вчера поздно вечером ему лично позвонил генерал и попросил оказать содействие следствию — по старой памяти, так сказать. Генрих, естественно, восторга не проявил. Но генерал к такой реакции был готов — ровно и методично принялся излагать подробности дела, от которых шевелились волосы на затылке. И требовал-таки с него обещание приехать утренним поездом.

Ворота при въезде на территорию департамента были гостеприимно распахнуты, но посетителей, кроме него, отчего-то не наблюдалось. Тротуар вдоль ограды был совершенно пуст — прохожие предпочитали другую сторону улицы.

Длинное унылое здание с треугольным фронтоном стояло чуть в глубине двора, стыдливо прикрывшись шеренгой высоких лип. Летом, как вспомнил Генрих, фасад едва просматривался сквозь густую листву. Но сейчас, в декабре, все было видно как на ладони — добротная кирпичная кладка, аккуратные карнизы, окна с крестообразными рамами.

Он подумал, что в этом, пожалуй, есть некий символизм. Третий департамент желает оставаться в тени, чтобы не раздражать добропорядочных граждан ни своим видом, ни

самим фактом своего существования в мире. Но они, граждане, все равно вынуждены его лицезреть — ходят мимо и недовольно кривятся.

Усмехнувшись глубине своих обобщений, Генрих двинулся от ворот к крыльцу. Звук шагов был сухим и звонким — снег до сих пор не выпал, хотя мороз держался уже неделю. И не похоже было, что погода скоро изменится. Вместо нормальных туч, способных принести снегопад, над городом висела мутная сероватая мгла, и солнечный свет растекался в ней, как масло в перловой каше.

Тяжелая дверь поддалась без скрипа. Лампы в вестибюле горели белым казенным светом. Слева обнаружился гардероб, справа — кабинка дежурного офицера. Прямо напротив входа была еще одна дверь — непосредственно в недра здания. Ее охраняли двое в синих мундирах.

Гость неторопливо снял дубленый щегольской полушубок и отдал его гардеробщику. Потом, припомнив здешний порядок, подошел к дежурному за стеклом.

— Добрый день. Мне назначено к десяти.

— Ваше имя?

— Генрих фон Рау.

— Документы, пожалуйста.

Дежурный долго рассматривал членский билет академического сообщества и переписывал данные оттуда в журнал. Управившись с этим, снял трубку телефонного аппарата, произнес что-то быстро и неразборчиво, выслушал ответ и сказал: «Так точно». После чего протянул руку вправо, повернул неприметную рукоятку, и по стеклу между ним и посетителем прошла короткая рябь.

Фон Рау ощутил нечто похожее на слабое дуновение ветра. Откуда-то вдруг возник густой запах, будто от гниющих цветов, а во рту появился приторно-сладкий привкус. Генрих с трудом подавил желание сплюнуть, хотя знал, что все это — лишь фокусы восприятия. Мозг тщетно пытался перевести в понятные ощущения то, что происходило в эту минуту.

Дежурный разглядывал посетителя на просвет, задействовав при этом столько энергии, что хватило бы на сотню извозчичьих амулетов.

Продолжая изучать светограмму, дежурный удивленно нахмурился. Наверно, заметил затворяющее клеймо и не сразу понял, что это значит. Впрочем, ему простительно — ведь, в сущности, молодой еще парень. Служит недавно, и Генриха уже не застал. Новая поросль, крепкая смена, которая, отличаясь житейской хваткой и здравомыслием, воспринимает то, чем занимались предшественники, с брезгливым недоумением. Или в лучшем случае с сочувственной жалостью.

К счастью, гнилостный запах исчез так же быстро, как появился. Проверка закончилась. Дежурный положил перед гостем сиреневую дырчатую картонку размером с ладонь.

— Ваш пропуск. Третий этаж, кабинет тридцать восемь.

— Благодарю.

Генрих пересек вестибюль и протянул картонку одному из синемундирников. Тот сунул ее в прорезь на крышке загадочного устройства, стоящего рядом на деревянной подставке. Гость наблюдал с любопытством — в его времена таких диковин тут не водилось.

Механизм заглотил добычу жадно, с утробным звуком. Внутри что-то лязгнуло, заскрежетало. Потом на секунду машина смолкла, будто переводя дыхание, и наконец, с надрывом выкашляла пропуск обратно. Охранник вручил его посетителю:

— Прощу вас. Извольте сдать при выходе.

На картонке отпечатались угловатые цифры — дата и время прибытия с точностью до минуты. Фон Рау хмыкнул. Интересно, какой от этого прок? Как эти игрушки защитят от коварных вражеских происков? Ну разве что враг трусливо сбежит, заслышав скрежет жуткого механизма. Известно ведь — клиенты Третьего департамента технику на дух не переносят.

Он поднялся по лестнице на нужный этаж. Приемная генерала располагалась в торце длинного коридора. Ковровая дорожка приглушала шаги. Было тихо, только за одной из дверей стрекотала пишущая машинка.

Секретарь в приемной — не улыбочивый тип лет тридцати пяти, одетый в штатский костюм, — поднял на посетителя взгляд:

— Герр фон Рау? Его превосходительство ждет.

Да, тот действительно ждал.

Генерал Теодор Август цу Нидерхаузен, начальник Третьего департамента, при виде гостя вышел из-за стола и протянул руку. Он мало изменился за эти годы — по-прежнему сухощав и подтянут, мундир сидит как влитой, рукопожатие крепкое. Только голова поседела, и морщины стали заметнее.

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Бросьте, Генрих, — поморщился генерал. — К чему этот официоз? Здесь посторонних нет. Или это ваша маленькая месть за то, что я выдернул вас из уютного академического болотца? Неужели оно вам еще не осточертело?

— Как скажете, Теодор. И да, мое болотце совершенно меня устраивает. Оно хорошо сберегает нервы. В отличие от... — Генрих выразительно повел глазами вокруг.

Впрочем, во внешнем убранстве генеральского кабинета не было ничего угрожающего. Книжки в шкафах, мягкие стулья, штучный паркет. Даже настенная карта выдержана в подчеркнуто-спокойных тонах: Девятиморье в центре отсвечивает малахитовой зеленью, к западу дремлет в лиловых сумерках Лузитания, а Зимняя империя на востоке застыла в сугробах голубоватого инея. На противоположной стене — портрет канцлера с парадными эполетами, багряной муаровой лентой и Звездой Равноденствия на груди; поза исполнена достоинства, плечи расправлены, и только взгляд, как у голодного ящера, слегка портит общее впечатление.

Генерал между тем продолжал:

— Я хорошо изучил вас, Генрих, пока вы работали здесь, под моим началом. И, признаться, был несколько удивлен, узнав про затею с университетом. Ведь это совсем не ваше призвание — вдалбливать студиям знания в чугунные головы.

— Я отошел от преподавания. Сейчас пишу докторскую работу.

— И насколько вы, позвольте спросить, продвинулись в этом? За последние, ну скажем, полгода?

— Ладно, Теодор, — буркнул фон Рау, — будем считать, вы меня уели. Я вряд ли промчусь кометой по научному небосклону. По натуре я скорее не теоретик, а практик. Но в связи с известными обстоятельствами практическая... гм... деятельность мне теперь недоступна. Поэтому вот уже много лет я — тихий кабинетный исследователь. Книжный червь, который привык к покою. И, если честно, с трудом представляю, чем могу быть полезен в нынешней ситуации. Но раз уж вы сочли мое присутствие обязательным, то, может, перейдем сразу к делу?

Генерал кивнул ободряюще:

— Вы злитесь, Генрих, и это правильно. Таким вы мне сейчас и нужны. Апатия в нашем ремесле — недопустимая роскошь. А что касается дела...

Он взял со стола картонную папку и протянул ее гостю:

— Присядьте и посмотрите снимки. Это то, о чем я вчера рассказывал. Группа работала почти до утра.

Сверху в папке лежали обычные фотокарточки — не светопись, а технические, мертвые изображения на бумаге. Сначала общий план улицы с добротными каменными домами, потом дверь с вывеской «Аптека Ротмайера» и, наконец, вид изнутри — прилавков, весы, разнокалиберные склянки на полках.

— Погодите, — сказал Генрих, — а где же, собственно?..

— В подсобном помещении, лежал на полу. Вот, видите?

— Силы небесные, у него же лица почти не осталось...

— Рваные раны по всему телу, причем нанесенные словно бы изнутри. Тело и пол вокруг засыпаны мертвой пылью, будто что-то истлело. Состав пытаемся выяснить. Но это вторичные проявления. Главное в другом. Взгляните на светограмму.

Фон Рау выудил из папки целлулоидный плотный прямоугольник размером с альбомный лист. Угольно-черная поверхность тускло блестела.

— Ну что скажете?

— Минуту, пожалуйста. Вы же помните, у меня теперь с этим сложно.

— Да, простите.

Достав из внутреннего кармана очки с темно-синими линзами, Генрих водрузил их на нос. Оправа была металлическая. Перемычка между стеклами, очень широкая и массивная, полностью прикрывала переносицу и имела ряд мелких вертикальных насечек. Вся эта конструкция придавала владельцу несколько фантазмагорический вид.

— Вам идет, — нейтрально произнес генерал.

— Если бы вы слышали, Теодор, сколько я за них заплатил, вы бы сразу перестали иронизировать.

Сосредоточившись, он уставился на светограмму. Для невооруженного глаза она так и осталась бы просто целлулоидной пленкой. Но, глядя сквозь фокусирующие линзы, он начал улавливать изменения.

В центре прямоугольника появилось мерцание — сначала точка, потом несколько изломанных тонких линий, которые расползались к краям. Это напоминало треснувший лед. Под взглядом Генриха трещины множились. Он усилил нажим, и «лед» проломился разом, а из открывшейся полыни хлынул чернильный свет.

Как всегда в такие моменты, фон Рау испытал сожаление, что человеческая речь слишком скудна, ограничена и не содержит правильных слов для описания происходившего сейчас. *Свет* не был *светлым* — и разум метался, пытаясь вырваться из этого языкового капкана. Чернильное сияние усилилось, в глазах появилась резь. Снова, как в вестибюле, возник цветочный запах, только теперь не гнилостный, а неожиданно приятный и свежий, и Генрих понял, что сейчас узнает его, буквально через пару секунд...

Голова закружилась, и он поспешно отдернул руку со светограммой. Снял очки, вытер пот со лба.

— Итак? — Генерал смотрел выжидающе.

— Я не увидел деталей, засветка запредельная. Это брак?

— Нет. Реальный фон на месте событий.

— Впечатляет. А этот аптекарь, как его там...

— Ротмайер. Гельмут Ротмайер.

— Он владел светописью?

— Только на бытовом уровне. В лучшем случае мог продлить срок годности своих порошков. Жил тихо, ничем особо не выделялся.

— Зачем его вообще было убивать?

— Вот именно, Генрих. Зачем? И, главное, почему таким способом? Его могли бы пырнуть ножом, застрелить, задушить бельевой веревкой. Могли бы, в конце концов, разрядить в него амулет. Но вместо этого обрушили поток света, способный сровнять с землей весь квартал. Смысла не больше, чем положить комара под кузнечный молот. А что, если этот несчастный аптекарь — лишь тренировка? Пристрелка, образно говоря? А настоящая цель — совсем другого масштаба? Надеюсь, Генрих, теперь вы прониклись серьезностью ситуации?

— Более чем. Однако так и не уяснил — зачем позвали меня? Что я могу вам сказать такого, чего еще не сказали действующие эксперты? Вот я посмотрел светограмму — и никаких догадок. Но вы ведь и не ждали большего, верно? Потому что мой нынешний уровень вам известен. Так в чем же дело, Теодор?

Генерал ответил не сразу. Задумчиво прошелся из угла в угол.

— Скажите, Генрих, вы ведь, если не ошибаюсь, больше года не посещали столицу?

— Да. О чем, повторюсь, ни капли не сожалею.

— Понимаю вас. Но, видите ли, вчера по телефону я рассказал не все. Был еще один довольно странный момент. Приехав к месту убийства, я вышел из экипажа и при входе в аптеку вдруг ощутил ваш ответ. Отпечаток вашего присутствия там.

— Это невозможно, — сказал фон Рау спокойно. — Я вчера не выходил из квартиры.

— Я знаю, — так же спокойно подтвердил генерал.

«Интересно, откуда?» — мельком подумал Генрих.

— Я был озадачен, — продолжал его превосходительство. — Остановился, постарался сосредоточиться. Но ощущение сразу исчезло. Я, конечно, мог ошибиться — засветка там действительно запредельная. И все же...

— Ну да, — Генрих хмыкнул, — это знаменитое «все же». Решили, что проверить мое клеймо на всякий случай не помешает. И вообще посмотреть на мою реакцию.

— Я обязан был это сделать, — пожал плечами генерал, — просто ради очистки совести. Впрочем, вы ведь хорошо понимаете — если бы мы вас в чем-то подозревали, то пришли бы к вам сами. И разговор бы сложился несколько по-иному.

— Ладно, теперь вы убедились, что все в порядке. Ваша совесть чиста. Я могу идти?

— Не стройте из себя обиженного ребенка, — добавил металла в голос генерал, — молчите и слушайте. Да, я знаю, что вас там не было. Но пока мы не разобрались с вашим ответом (или с тем, что я за него принял), я вынужден держать вас в уме. Значит, в ваших же интересах, чтобы мы как можно скорее докопались до истины. И лучше помочь нам, чем просто сидеть и ждать. Это первое.

— Надо полагать, будет и второе, — пробурчал Генрих.

— Да, будет. Уже понятно, что дело беспрецедентное. И чтобы его раскрыть, понадобятся беспрецедентные меры. Моя интуиция об этом просто вопит. Поэтому я хочу, чтобы рядом были не просто компетентные люди, коих в департаменте более чем достаточно. Мне нужен кто-то, способный при необходимости пожертвовать всем и принять

решение, граничащее с безумием. Как сделали вы двадцать лет назад.

Несколько секунд они молча мерились взглядами. Потом на столе пронзительно зазвонил телефон — угловатый, массивный, с витым шнуром. Генерал подошел, снял трубку.

— У аппарата. Докладывайте, Кольберг. Когда? — Он долго слушал, постукивая карандашом по столу. — Хорошо, я понял. Действуйте. Скоро буду.

— Что там? — любопытствовал гость.

— Нашли еще одно тело. Обстоятельства схожие, подробности выясняем. И в данном случае вы нам, пожалуй, особенно пригодитесь.

— Что вы имеете в виду? — спросил Генрих.

— Убит ваш в некотором роде коллега. Рудольф Штрангль, восьмидесяти двух лет, профессор, автор дюжины трудов по истории...

— ...и биограф монаршей семьи. Ужасная новость.

— Вы были знакомы?

— Только заочно, по его книгам. Жизнеописание Старого короля ему весьма удалось. Название, правда, мне никогда не нравилось. «Предвестник Железной эры» — это он, по моему, перегнул. Хотя материал там собран уникальный, надо признать. Да вы ведь наверняка и сами читали. По долгу службы.

— Читал, — подтвердил хозяин кабинета. — Согласен с вашей оценкой. И, боюсь, подтверждаются мои худшие подозрения. В том смысле, что аптекарь — лишь случайная жертва, а на самом деле убийцу интересуют птицы совсем другого полета.

— Ну не знаю. — Генрих с сомнением покачал головой. — Биограф — это ведь не сановник и не особа королевских кровей. Да, он, когда писал книгу, беседовал со многими из высшего круга. Но и только. Никакого влияния он на них не имел, да и не мог иметь в принципе. А в последние годы вообще, я слышал, был болен, почти ни с кем не общался. Тихо доживал в одиночестве. Нет, Теодор, я не вижу смысла.

— Вот и постараемся разобраться. Вы едете со мной, Генрих. Подробнее поговорим по дороге.

Убрав папку с документами в несгораемый шкаф, генерал вместе с гостем вышел из кабинета в приемную. Спросил у секретаря:

— Подготовили то, о чем я просил?

— Да, ваше превосходительство.

Секретарь достал из выдвижного ящика стальную пластину — прямоугольную, размером с ладонь и со скругленными уголками. Протянул ее посетителю. Тот вопросительно взглянул на генерала.

— Не считите за издевку, Генрих. Да, это ваш старый жетон — как видите, мы его сохранили. Знак того, что вы участвуете в деле совершенно официально. Я подписал соответствующий приказ. Это, по крайней мере, избавит вас от необходимости каждый раз получать внизу новый пропуск.

— Я вообще-то рассчитывал, что этот, нынешний раз, — единственный, — тоскливо заметил Генрих.

На жетоне была оттиснута крупная цифра «3», которую в нижней части пересекало несколько тонких горизонтальных бороздок. Они хранили искру чернильного света — идентификационный узор, невидимый для обычного зрения. Еще ниже имелась четкая надпись: «Генрих фон Рау. Мастер-эксперт».

Прошное, восторженно, тянуло к нему жадные щупальца.

Генерал между тем облачился в шинель и кивнул на выход. Они прошли по тихому коридору, спустились по лестнице в вестибюль. Механизм снова мучительно закричал, пожирая сданный Генрихом пропуск.

Во дворе глава департамента сразу свернул налево и двинулся вдоль фасада. Гость удивился — конюшня, насколько он помнил, была в другой стороне. Но генерал повел его к

приземистому строению с широкими створками деревянных ворот и закопченными окнами. Ворота как раз открылись, и наружу выкатился экипаж на паровой тяге. Шофер, устроившись впереди на открытом сиденье, ворочал рулевым колесом; пассажирская кабинка у него за спиной блестела темно-зеленым лаком. Деловито посапывала труба.

— Двигаете прогресс? — осведомился фон Рау. — Демонстрируете верность политике Железного Дома?

— Вы отстали от жизни, мастер-эксперт. Это давно уже не политика, а бытовая необходимость. Такие штуки лет десять как выпускают серийно. В столице их, пожалуй, не меньше тысячи.

— Ладно-ладно, герр генерал. Я все-таки живу не в берлоге. В нашем городке они тоже есть, просто мне больше нравятся лошади. Ну и как они в деле, эти паровички?

— Весьма шустры. Мы постоянно держим два наготове, котлы не гасим. Прошу. Они забрались внутрь. Генерал сказал шоферу:

— Через мост. Кленовая, сорок три.

Локомотив вырвался со двора и покати по улице, обгоняя коляски, запряженные лошадьми, и ревниво фыркая, когда навстречу попадались другие паровые повозки. Дома из темно-красного кирпича вставали по обеим сторонам дороги. Чернели кованые ограды, мелькали витрины со шляпами, часами и париками. Дамы в кокетливых шубках шли под руку с господами в толстых пальто. Вороны угрюмо дремали на голых ветках, голуби возле булочной дрались на тротуаре за оброненную кем-то ватрушку. Город сыто шурился — а над ним вздымалась громада королевского замка.

Замок будто прорастал из холма — поседевший от времени, с мощными стенами и пузатыми башнями по углам. Донжон, похожий на обтесанную свечу и увенчанный острым многоугольным куполом, царапал мутное небо. Стрельчатые окна мягко светились. И реяли флаги с поджарым черным орлом, который сжимал в правой лапе скипетр, а в левой — чернильницу.

— Генрих, у вас ведь восприятие светописи, насколько я помню, связано с обонянием? Какой запах вы ощутили, глядя на снимки? Были какие-нибудь подсказки?

— Ах да, хорошо, что напомнили, Теодор. Как ни странно, запах оказался весьма приятный — медовый, я бы сказал, и очень знакомый. Я где-то с ним уже сталкивался, вот только где именно — сообразить не успел.

— Гм... — Генерал задумчиво потер подбородок.

— А непосредственно на месте убийства? Ничего похожего не было?

— Нет, обычные аптечные ароматы. Йодоформ, касторовое масло. Да еще эта пыль вокруг слегка отдавала тленом. А светограмма, значит, медовая? Забавно, весьма забавно...

— Еще бы. Служебная светопись, как правило, не слишком благоухает. Особенно в вашей конторе, — мстительно сказал мастер-эксперт. — Контроль в вестибюле, к примеру, воняет для меня гнилью.

Генерал улыбнулся едва заметно. С минуту они молчали. Потом Генрих спросил:

— А у вас ведь побочное восприятие — через звук? Что вы слышали там?

— Волны и ветер, — сказал генерал. — Как будто я на берегу моря. И шум постепенно усиливается — кажется, идет шторм.

Локомотив между тем заезжал на мост. Открылся вид на резиденцию канцлера. Она стояла на островке посреди замерзшей Прейгары — у подножия холма, под сенью королевского замка. Трехэтажная, лишенная архитектурных красот резиденция мирно

устроилась на обширной лужайке. Пожухлая трава вокруг была присыпана инеем.

На фронтоне виднелся знак Железного Дома — стилизованный циркуль. А ведь Генрих прекрасно помнил те времена, когда вместо циркуля там было изображение фокусирующей линзы в оправе. Совсем недавно, четверть века назад...

«Боже, — подумал он, — неужели я уже такой старый?» Кажется, все было только вчера — пролетка катится по этому же мосту, и студент-третьекурсник, сидящий в ней, едва не лопается от гордости, потому что ему только что предложили работу. И брызжет радостью май, и трава на лужайке изумрудно сверкает, и жизнь впереди залита ослепительным солнцем...

— Теодор, — спросил он, — вы долго сомневались тогда, прежде чем выбрать меня? Ведь у многих на факультете природные способности были ярче. Хотя, конечно, я понимаю — дело не только и не столько в способностях. Вы искали идеалистов.

— Не отвлекайтесь, Генрих. Сосредоточьтесь на деле. Вы сказали, что у вас пока — никаких догадок. Пусть так. Я тоже противник поспешных выводов при недостатке фактов. Но давайте начнем хотя бы с самых общих соображений. Как бы то ни было, вы — человек науки. И, по идее, должны смотреть на проблему шире, чем я.

— Пока мне ясны две вещи. Первое — выброс в аптеке был точечным. То есть преступник, извините за каламбур, точно знал, куда бить. Второе — выброс был колоссальной мощности. Просто глупо тратить столько света для тренировки. Вывод — ваша гипотеза о «пристрелке» неубедительна. Во всяком случае, для меня. Аптекарь — не случайная жертва. И это опять приводит к вопросу, зачем его убивать.

— Спонтанный выброс? Убийство в состоянии аффекта?

— Очень сомнительно. Тогда бы жертва была одна. А у нас ведь еще историк.

— Согласен. Дальше.

— Главный вопрос — что общего у аптекаря и профессора? Где и когда они могли пересечься? Если пойдем, то станет ясен мотив. Надо копать. И я бы начал с аптекаря — у него знакомств по определению меньше, проверить легче. Вы говорите, жил неприметно. Но хоть что-то необычное есть?

— Да как сказать... Родился в деревне — миль сто отсюда. Приехал в город семь лет назад, после смерти матери. Выучился, открыл свое дело — видимо, были какие-то сбережения. Вот тут, пожалуй, любопытный момент. Он рос без отца, мать была сельской травницей. Могла ли она оставить ему сколь-нибудь серьезную сумму? В общем, ждем подробностей о родителях. С деревней связаться напрямую нельзя, запрос послали в соседний город. Оттуда в деревню снарядили вахмистра — сегодня к вечеру должен прислать отчет. Пока что все сведения у нас — от невесты аптекаря и от его соседей.

— Сколько ему лет было, кстати?

— Недавно исполнилось двадцать пять.

Генрих невесело усмехнулся. Опять пресловутая четверть века. Для кого-то жизнь в этом промежутке изменилась неузнаваемо, а для кого-то и вовсе уместилась вся, без остатка. Будто в футляре с числовым секретным замком, где паролем служат даты рождения и смерти.

У профессорского особняка на Кленовой уже стояло несколько экипажей. Толпились зеваки — в большинстве своем, судя по виду, прислуга из соседних домов, но попадались и солидные бюргеры. Публика сдержанно гомонила, за ней приглядывал усатый вахмистр.

Генерал с Генрихом, выбравшись наружу, подошли к открытым воротам. Там их встретил плотный мужчина в штатском:

— Я увидел, как вы подъехали, герр генерал.

— Здравствуйте, Кольберг. Познакомьтесь — Генрих фон Рау. Наш приглашенный эксперт в этом деле.

Крепыш на миг зафиксировал Генриха цепким взглядом. Вежливо кивнул, принимая к сведению. Генерал спросил:

— Что успели выяснить? Картина такая же?

— Касательно выброса — да. Мощнейшая засветка, даже сильнее, чем в прошлый раз. А вот внешние проявления отличаются.

— Да? И чем же?

— По крайней мере, мы теперь знаем, каким образом были нанесены раны. Но, с вашего позволения, герр генерал, я бы советовал взглянуть лично.

— Ведите.

Они двинулись вдоль стены по чисто выметенной дорожке. Клумбу слева густо покрывали жухлые листья. Голые кусты сирени топорщились, словно метлы. Дом был большой и старый, с черепичной двускатной крышей и флигелем для прислуги.

Поднявшись на крыльцо, они миновали прихожую и вошли в просторную гостиную с погасшим камином. Широкие диваны вдоль стены пустовали. На стуле в дальнем углу всхлипывала невзрачная женщина лет шестидесяти. Ее отпаивали водой.

— Экономка, — пояснил Кольберг вполголоса. — Утром обнаружила тело — в коридоре на втором этаже. Больше в доме никого не было. Профессор — вдовец, дети и внуки живут отдельно.

— Убийцу она не видела?

— Нет. Но говорит, что примерно на полчаса ее неожиданно сморил сон. Прикорнула в кресле, потом спохватилась, пошла наверх. И там увидела труп.

— Понятно. Преступник хладнокровен, но не маньяк.

— Да, герр генерал, похоже на то. Мог бы убить и ее как свидетеля, но предпочел только усыпить.

Генрих, продолжая прислушиваться к их разговору, подошел ближе к лестнице. Наверху раздавались приглушенные голоса. И еще ему показалось, что оттуда доносится знакомый медвяный запах.

Голоса стали громче. Он расслышал:

— Нет, просто более стабильный канал. Поэтому нет распада...

Со второго этажа на лестницу вышли двое. Тот, что постарше, продолжал говорить, стягивая на ходу резиновую перчатку. При виде Генриха он запнулся — остановился, держась за палец.

— Фон Рау? Что вы здесь забыли?

— Зашел погреться. И, кстати, здравствуйте, Либхольц.

— Я не уверен, что вам нужно здесь находиться.

— Впервые за столько лет я с вами согласен. Может, будете столь любезны и доведете вашу мысль до его превосходительства?

Генерал обернулся к ним:

— Герр Либхольц, вы знакомы с герром фон Рау. Согласно моему распоряжению, он имеет доступ к материалам следствия. Впредь извольте сотрудничать. А пока доложите первые выводы.

Он поднялся по лестнице, Генрих — следом. Сладкий запах с каждым шагом

усиливался. Генрих почувствовал, как сердце забилося чаще. Приостановился, сделал глубокий вдох и заглянул в коридор.

Рудольф Штрангль, историк и королевский биограф, лежал на полу, раскинув в стороны руки. А сквозь глазницу у него прорастал колючий стебель чертополоха.

Фон Рау оперся рукой о стену, переживая приступ головокружения. Его подташнивало, испарина выступила на лбу. Все-таки за прошедшие годы он отвык от подобных сцен.

Наконец дурнота отступила, и мастер-эксперт снова посмотрел на убитого. Стебель в глазнице был самым пугающим, но не единственным элементом картины. Весь коридор направо от лестницы превратился в чудовищный натюрморт. Шипастые побеги пробились прямо из пола, прогрызли себе дорогу сквозь плоть лежащего человека. Взорвали изнутри кожу и, растерзав одежду в клочья, поперли дальше. Над телом распустились острые листья, а на верхушках стеблей покачивались цветы — сиреневые мягкие венчики. И от них исходил дурманящий сладкий запах.

Теперь, задним числом, Генрих удивился, что не узнал эту медвяную волну сразу, еще в кабинете у генерала. Ведь она как будто пришла из детства, с обширного пустыря на окраине провинциального городка. Чертополох разрастался там буйно, неудержимо и, зацветая, приманивал диких пчел. Те кружили над зарослями, оживленно жужжа, а мальчик каждый раз удивлялся — как мог такой сказочный аромат достаться кривобокому монстру, усеянному шипами?

Либхольц тем временем объяснял генералу:

— В аптеке побеги просуществовали недолго. Проросли и сразу распались, рассыпались в прах. Остались только нанесенные раны. Здесь же канал, как я уже говорил коллегам, стабилен. Он сохранился даже после того, как завершился выброс. Поэтому колючки тоже остались.

— Преступник хотел, чтобы жертвы умирали в мучениях?

— Не думаю. Вряд ли он выращивал шипы специально. Это, скорее, побочный эффект от переизбытка энергии. Пропускная способность канала просто невероятна.

— И поток был весь направлен на жертву?

— Да. Как и там, в аптеке.

— Так почему же убийца выбрал такой энергозатратный способ?

— Трудно судить, герр генерал...

— И все-таки. Гипотезы, версии?

Генрих подумал, что ему все-таки не помешает присесть. Обернулся, оглядел другой конец коридора. Там колючие кусты росли редко — всего штук семь или восемь. Одна из дверей была приоткрыта. Он подошел, заглянул. Это оказался рабочий кабинет хозяина дома. Внутри не было ни души — видимо, предварительный осмотр уже завершился.

Шагнув через порог, он ощутил некоторую зависть. И тут же сконфузился, вспомнив, кому завидует. Но все же следовало признать — старик Штрангль умел устраиваться с комфортом.

На полу, от одной стены до другой, раскинулся ковер оттенка топленого молока — такой ворсистый и мягкий, что казалось, будто это цельная шкура неведомого животного. Хотя пушных зверей такого размера в ойкумене вроде бы не водилось. Разве что где-нибудь в полумифических землях, на самых отдаленных задворках Зимней империи, куда нормальным людям все равно не добраться.

На стене слева — гобелен с водопадом и мшистыми зелеными скалами. Детали, вплоть до мельчайших капель, вытканы с поразительным тщанием — кажется, еще секунда, и

брызги полетят в комнату. Наверняка в изображение вплетены светоносные нити, которые сами по себе не видны, но усиливают эффект. Напротив — массивный письменный стол из темного свилеватого дерева. Лампа с уютным абажуром, бронзовое пресс-папье с фигуркой морского змея; огромный раскрытый фолиант с иллюстрациями; чернильница, блокнот с золотым пером.

Книжные шкафы — монументальные, до самого потолка. Разноцветные тисненные корешки, веселые блики на дверцах. И даже зимнее небо за чистейшим стеклом окна выглядит опрятно и по-домашнему.

Генрих обошел стол и опустился в кресло. Сразу же стало легче, пульсация в висках прекратилась, и мысли больше не прыгали как безумные. Впрочем, и здесь, скорее всего, помогла бытовая светопись — например, успокаивающий узор на обивке. Незаменимая вещь для кабинетных трудяг — жаль только, цена вызывает оторопь. Чтобы позволить себе такое приобретение, надо быть бароном с родовым замком или фабрикантом с концессией от Железного Дома. Ну или написать королевскую биографию, выдержанную в верном ключе.

Над чем, кстати, работал профессор в последний день? Генрих придвинул к себе блокнот, полистал. Герр Штрангль был изрядным педантом — каждая запись аккуратно снабжена датой, а кое-где проставлено даже время. Впрочем, записи эти несли крайне мало информации для постороннего человека. Умные мысли профессор фиксировал, очевидно, где-то в другой тетради, а здесь были просто напоминалки — условные значки и бесчисленные сокращения вроде: «Чтв. герц. подтв.», «ЕКВ тез-во ст.», а то и вовсе «унтр. хр. — и?»

Самая свежая пометка была сделана вчера вечером: «Фав-ка??? Пров.!»

«Фав-ка» означала, надо полагать, фаворитку, а «пров.» — проверку. Причем последнее слово было подчеркнуто трижды. Этот фонтан эмоций в занудном блокноте выглядел как минимум неожиданно. Примерно так же прозвучал бы, наверное, боцманский загиб где-нибудь на дипломатическом рауте.

И что же так взволновало коллегу Штрангля?

Генрих попытался представить себе эту картину. Гостей у историка вчера не было — так заверила экономка. Может, кто-нибудь позвонил? Или хозяина дома просто вдруг осенила некая сногшибательная догадка? Из области науки, естественно. Все остальные темы у него, если верить сплетням, эмоций не вызывали.

И вот он хватается за блокнот, чиркает два слова и, возбужденно дыша, ковыляет к книжному шкафу. Достает раритетное справочное издание, листает трясущимися руками. Находит наконец нужный отрывок, а там...

Мастер-эксперт покосился на фолиант, лежащий на расстоянии вытянутой руки от него. Это, конечно, чистый полет фантазии. С другой стороны — почему бы и нет, за неимением более рациональных идей?

Фолиант был открыт на странице, посвященной одному из королевских балов. Судя по дате, торжество состоялось все те же двадцать пять лет назад (Генрих мельком подумал, что это число его сегодня просто преследует).

И чем же данный конкретный бал знаменит? Посмотрим. Ага, он — последний с участием Старого короля. Вскоре монарх-долгожитель сляжет и перестанет появляться на людях. Прикованный к постели, протянет еще около полутора лет и отойдет в лучший мир. Стекланный век рассыплется на осколки, а линза на резиденции канцлера сменится стилизованным циркулем...

Но на фотографии король еще бодр и прям. Идет по залу в сопровождении принцессы Бригитты, и гости с почтением склоняют головы. Фотограф выбрал очень удачный ракурс. В кадре не только его величество с дочерью, но и — чуть позади — кронпринц Альбрехт с невестой. Дальше еще какие-то кавалеры и дамы: почти все смотрят в объектив, растягивают губы в улыбке, зная, что их снимают. И лишь одна — красавица с темными волосами — не отрывает глаз от кронпринца.

Хотя, пожалуй, брюнетка выделялась на общем фоне не только своим равнодушием к фотосъемке. То ли свет люстры удачно лег на нее, то ли сама иллюстрация в этом месте выцвела не так сильно, но девушка выглядела немного иначе, чем остальные. Свежее и ярче, если последнее слово вообще применимо к черно-белому снимку. Будто она, запечатленная на бумаге, все еще сохраняла искру жизни среди поблекших теней.

Он вглядывался, пытаясь понять, в чем дело. И в какой-то момент почудилось, что изображение перед ним обретает краски, ожерелье на шее у незнакомки начинает мерцать, а сама она отводит взгляд от наследника трона и сквозь объектив, сквозь бумагу, сквозь все эти четверть века смотрит прямо на Генриха...

— Герр фон Рау?

— А?.. Что?

Он вздрогнул и оторвался от фолианта. У дверей стоял Кольберг и, похоже, ждал от него ответа.

— Простите, — сказал Генрих, — я не расслышал. Что-то случилось?

— Герр генерал ждет нас внизу. Хочет провести короткое совещание.

— Да-да, идемте.

Все еще несколько ошарашенный, Генрих поднялся из-за стола и пошел за Кольбергом к лестнице. Понятно, что ожившая фотография ему просто почудилась, но все равно впечатление жутковатое. А эта брюнетка — кто она? Действительно фаворитка кронпринца? Точнее, тогдашнего кронпринца, а ныне — короля Альбрехта. Лицо ее Генриху незнакомо. С другой стороны, он не настолько хорошо знает всю эту придворную компанию. Надо бы проконсультироваться с кем-нибудь из знатоков той эпохи. Проблема в том, что главный знаток лежит сейчас со стеблем в глазнице.

Стараясь не смотреть на убитого, фон Рау спустился вниз.

Экономка уже ушла из гостиной, а остальные расселись по диванам и креслам. Сцена немного отдавала абсурдом — словно завсегдатаи салонного общества перепутали время и явились в гости не вечером, а спозаранку, когда их никто не ждет. При дневном свете, без ламп и огня в камине, в комнате неприятно и холодно. И все теперь сидят молча, чувствуя себя не в своей тарелке...

— Во-первых, хочу напомнить, — прервал паузу генерал, — профессор имел отношение — хоть и косвенное — к монаршей семье. Это значит, что дело переходит в новую плоскость. К расследованию подключается Второй департамент. Позвольте представить — коллега Клемм. Он будет работать с нами.

Из кресла в углу приподнялся толстячок с округлым добродушным лицом, похожий на пекаря. Он мягко улыбнулся:

— Добрый день, коллеги. Очень приятно.

Генрих только вздохнул. Что ж, пожалуйста — весь гадюшник в комплекте. Не только Третий департамент, контролирующий светопись, но теперь еще и Второй, чья епархия — политический сыск. Впрочем, чего еще ожидать? Сразу ведь было понятно — дело с душком.

И в переносном, и в прямом смысле.

— Коротко — факты, — продолжал генерал. — Двое убиты одинаковым способом, но с неясным мотивом. Преступник на несколько ходов впереди. И все же характер выброса наводит на некоторые мысли. Либхольц, прошу вас.

— Да, герр генерал. Чрезмерный объем энергии, затраченный на выброс, позволяет предположить, что убийство не было главной целью. Жертвы — лишь инструменты.

— Поясните, будьте любезны. — Коллега Клемм был отменно вежлив.

— Представьте, например, лупу. Поток света проходит через нее, фокусируется и направляется куда-то еще.

— Куда именно? — сразу же спросил Клемм.

Либхольц только развел руками. Снова заговорил генерал:

— Да, эта гипотеза, к сожалению, приводит к новым вопросам. Почему в качестве «лупы» выбраны именно эти люди? Чем они предпочтительнее других? И самое главное — где конечная цель? Пока что вне этих стен ничего экстраординарного не замечено. Никаких разрушений и катаклизмов. Во дворце тоже все спокойно — я только что говорил с начальником стражи. И эта неизвестность меня беспокоит больше всего.

— Возможно, новые детали появятся через четыре-пять дней, когда ослабнет засветка, — заметил Либхольц.

— Наш профессиональный жаргон, — пояснил генерал для Клемма. — Засветка. Слишком яркий энергетический всплеск, не позволяющий увидеть подробности и взять след. Это как, знаете, у фотографов, когда портится пленка.

— Спасибо, герр генерал, мне знаком этот термин. Но, боюсь, мы не можем ждать четыре-пять дней. От нас требуют немедленных результатов.

— Сделаем все возможное. Герр Клемм, вы нас очень обяжете, если возьмете на себя работу с родственниками, соседями и друзьями убитых. Нужно понять, могли ли пути жертв где-то пересекаться. И здесь пригодятся навыки скорее ваших сыщиков, чем наших экспертов.

— Безусловно, герр генерал.

— Мы, в свою очередь, продолжим изучать места преступлений. Да, засветка все портит, и прямых следов, ведущих к убийце, мы не найдем. Но, может, хоть косвенные? Попробуем. И еще. Контакты профессора с другими учеными. Их тоже надо проверить. Но академическая среда, как вы знаете, имеет свои особенности. Люди науки нас в лучшем случае недолюбливают. А сплошь и рядом — попросту презирают. К счастью, у нас в команде есть герр фон Рау — выпускник университета и бывший преподаватель. С ним, я думаю, пойдут на контакт.

Генрих мысленно чертыхнулся. Клемм, посмотрев на него с интересом, сказал:

— Да, неплохая мысль. Что ж, на этом я, пожалуй, откланяюсь. Мне нужно дать инструкции моим людям. Герр генерал, вы знаете, как со мной связаться.

Он вышел, генерал тоже встал:

— Перерыв окончен. Вы слышали коллегу из «двойки»? Нельзя терять ни минуты. Перетряхните здесь все, хоть по кирпичику разберите, но отыщите какие-нибудь зацепки. Кольберг, на вас — координация с ищейками Клемма. О новостях докладывайте немедленно. Я буду в конторе. Фон Рау, проводите меня.

Толпа зевак на улице поредела, ажиотаж поутих. Две горничные наперебой строили глазки вахмистру, тот подкручивал ус. Над домами носилась воронья стая. Дым из труб

поднимался дисциплинированно, не отклоняясь в стороны, и смешивался с полуденной мглой.

— Ну наконец-то... — Генерал вздохнул полной грудью. — Этот запах в доме действовал мне на нервы. Удушливый, приторный — даже голова разболелась.

— Да? — удивился Генрих. — Удушливый?

— Конечно. И все остальные жаловались.

— Странно. По-моему, запах-то как раз ничего. Легкий, медовый — точно как на той светограмме. Я сразу его узнал, как только вошел.

— Вот как? — Генерал посмотрел на него внимательно. — Впрочем, ладно, это все субъективно. Тонкости восприятия.

Они подошли к локомотиву.

— Сейчас мы куда? — поинтересовался Генрих.

— К университету. Садитесь.

— К университету?

— Конечно. Зачем откладывать? Я завезу вас — крюк небольшой. Побеседуйте там с людьми. Может, кто-нибудь в последние дни общался с профессором. В общем, сориентируетесь на месте. Не зря же я вас учил.

— Честно говоря, сомневаюсь, что услышу там что-то важное.

— А вы не сомневайтесь. Работайте. Вечером сообщите о результатах. И, кстати, пока не забыл. Держите.

— Что это?

— Ключ от служебной квартиры. Она крошечная, но обжитая и довольно удобная. Сейчас пустует, можете пользоваться. Вот адрес. Или вы намерены тратить два часа ежедневно на дорогу в предместье?

Генрих представил, как он приходит в эту неведомую каморку, садится в чужое кресло за чужой стол, ест из чужой тарелки, а потом укладывается в чужую постель, и ему стало не по себе.

— Спасибо, Теодор, обойдусь. И ехать мне не два часа, а меньше. Сорок три минуты в один конец.

— Как знаете. Но ключ все равно возьмите. На всякий случай.

Нахмурившись, мастер-эксперт сунул ключ во внутренний карман пиджака. Локомотив между тем петлял по незнакомым улочкам. Мелькали заборы и промерзшие палисадники.

Генрих сосредоточился и стал вспоминать увиденное в доме профессора. Прежде всего, конечно, чертополох. Да, это явно незапланированный, побочный эффект. Тут Либхольц прав — вряд ли убийца сознательно тратил время на разведение флоры. Вопрос в другом — если уж что-то выросло от переизбытка энергии, то почему именно эти колючки со сладким запахом? Не мох какой-нибудь, не плесень, не пресловутая мандрагора?

Убийца, направляя поток, думал наверняка о чем-то масштабном и крайне важном для себя лично. И это «что-то» ассоциировалось у него с шипастыми сиреневыми цветами. Отголоском и стали заросли в коридоре.

Что же это за цель такая, если ради нее убивают?

И как ее символом стал цветок, пахнувший для Генриха детством?

Столичный университет носил имя Готфрида Мудрого, студенты же с ласковой фамильярностью называли свою альма-матер Фридой. Четырехэтажное здание с колоннадой, окруженное сквером, таращилось на мир огромными окнами. К входу вела дорожка, выложенная гладкими плитами.

Сквер пустовал — занятия были в самом разгаре. Генрих шагал неспешно, разглядывая фасад. Широкий карниз приютил целую скульптурную группу — аллегорические фигуры в романских туниках. Фигуры эти, олицетворяющие научные дисциплины, были исключительно женскими, хотя представительниц прекрасного пола допустили к учебе всего лет тридцать назад.

Присутствовали тут и мечтательная Астрономия с телескопом, установленным на треноге, и улыбчивая Археология с древней амфорой, и сосредоточенная Геометрия с транспортиром, и еще полтора десятка фемин. Композиция служила поводом для нескончаемых шуток. Студизусы, давясь смехом, объясняли друг другу, что на самом деле означают фигуры. Версии предлагались по большей части малоприличные. Выходило, к примеру, что Астрономия только что заглянула через оптику в мужскую купальню. И что амфора у Археологии отнюдь не пустая. Но особенно впечатляли догадки насчет того, какой именно угол собиралась измерять Геометрия.

Кстати, для Светописи места на карнизе не отыскалось — факультет, на котором когда-то учился Генрих, располагался отдельно, за городской чертой. Вполне разумная мера предосторожности, учитывая тамошнюю программу занятий.

Налюбовавшись девами-аллегориями, он шагнул в вестибюль. Кивнул привратнику и двинулся вверх по мраморной лестнице с позолоченными перилами. Помпезность здешнего интерьера всегда его несколько раздражала. Хотя, наверное, это было неизбежное зло. Университет как-никак представлял собой одну из визитных карточек столицы Девятиморья.

— Слушаю вас. — Секретарь в приемной у ректора являл собой прямую противоположность своему коллеге из Третьего департамента — прямо-таки излучал дружелюбие и искреннюю готовность помочь.

— Я хотел бы поговорить с герром ректором. По срочному делу.

— Как о вас доложить?

Фон Рау не стал доставать служебный жетон, назвал только имя. Надеялся, что ректор его еще не забыл — им доводилось общаться лично. Расчет оправдался, в кабинет пригласили сразу.

Глава университета был из тех, про кого в Зимней империи говорят: «Маленькая собачка — всю жизнь щенок». Он выкатился навстречу гостю из-за стола и, глядя снизу вверх, зачастил укоризненно:

— Генрих, мой мальчик, как вам не совестно? Совсем забыли старика! Не заходите, не звоните, а ведь я о вас беспокоюсь! Мы все так расстроились, когда вы оставили кафедру! Это же было ваше истинное призвание...

В другой ситуации Генрих решил бы, что над ним издеваются, но ректор разговаривал так со всеми. Он, ректор, вообще любил поболтать. Книг у него в кабинете было подозрительно мало, зато стены были увешаны фотографиями с бесконечных симпозиумов, конференций и ассамблей. Злые языки говорили, что хозяин кабинета уделяет этим

сборищам гораздо больше внимания, чем университету как таковому.

— Я по поводу профессора Штрангля.

— Ах, не напоминайте! Поистине шокирующее известие, я до сих пор не могу поверить...

Вообще-то о смерти историка в университет официально не сообщали — генерал поручил это Генриху, чтобы тот мог понаблюдать за реакцией ученых мужей. Но ректор всегда все узнавал первым. В этом состояло его главное (а по утверждению тех же злых языков — единственное) достоинство.

— Видите ли, — пояснил фон Рау, — я помогаю следствию в качестве консультанта...

— Похвально, весьма похвально. И что же удалось выяснить? — Ректор уставился на него жадным взглядом.

— Пока ничего, ведется работа. В связи с этим я и хотел поинтересоваться, с кем профессор контактировал в последние дни. Возможно, было что-нибудь необычное?

— Увы, мой мальчик, увы. Коллега Штрангль отличался некоторой... э-э-э... нелюдимостью. Две недели назад я звонил ему, просил написать статью по поводу юбилея. Вы же помните, Генрих, что наша колыбель знаний, славная Фрида, скоро отметит свое четырехсотлетие? Вы непременно должны присутствовать, и даже не пытайтесь отговориться. Я вас приглашаю, слышите?

— Благодарю, герр ректор. Так что же вам ответил профессор?

— Профессор? Ах да, он довольно желчно заметил, что-де о нем вспоминают только по круглым датам, а в остальное время начисто игнорируют. Совершеннейшая неправда! Мы его в высшей степени уважали, но, к сожалению, коллега сам сузил круг своего общения до минимума...

— Но хоть с кем-то здесь он поддерживал отношения?

— Разве что с Анной, с фройляйн Майреген. Милейшая барышня, наша недавняя выпускница. Ей даже прочили академическую карьеру, и я, поверьте, был бы этому рад, но есть устоявшиеся традиции. Учебное заведение с четырехсотлетней историей подразумевает определенный консерватизм, пусть даже оно служит прогрессу. И женщина-преподаватель, боюсь, излишне бы смутила умы. Вы ведь понимаете, Генрих?

— Вам виднее, герр ректор. Так где же я могу найти Анну?

— Она помогает в библиотеке. И, заметьте, великолепно справляется, студенты в ней просто души не чают. Пойдемте, я познакомлю вас...

— Ну что вы, это совершенно излишне. Я сам без труда найду дорогу. Не хочу вас отвлекать от работы.

Вырвавшись от ректора, он зашагал по гулкому коридору, вспоминая местную планировку. Да, вот большой лекционный зал с настенными фресками и звездчатым сводом, вот помещение, где заседает университетский совет, вот шеренга учебных аудиторий. А библиотека — в другом крыле: ее-то он знает лучше всего, не раз приезжал за нужной литературой. Правда, никакие барышни там прежде не обитали.

Генрих отворил дверь. Сквозняк всколыхнул сладковатый воздух между высокими стеллажами; книжная пыль приятно пощекотала ноздри. Девушка, сидевшая за стойкой в углу, оторвалась от чтения и посмотрела на визитера.

Слово «красивая» к ней, пожалуй, не подходило — скорее уж «миловидная». Курносая, с мелкими чертами лица и русыми волосами, собранными в пучок на затылке. Глаза зеленые, но не сказочно-изумрудные, а оттенка выцветшей на солнце травы. Очень худенькая, с

тонкими запястьями и изящными пальцами.

— Здравствуйте, — сказал Генрих. — Фройляйн Майреген?

— Да. — Она отложила книгу.

— Простите за беспокойство. Меня к вам направил ректор. Он говорит, вы знали профессора Штрангля...

— Почему «знала»? Что-то случилось?

— Сожалею. Профессор умер сегодня утром. Точнее, его убили.

Она сдавленно охнула, прижав ладошку ко рту. Глаза испуганно распахнулись.

— Убили?.. Зачем?..

Это вышло у нее настолько по-детски, что у Генриха сжалось сердце. Он сказал как можно мягче:

— Мы пытаемся выяснить. И я надеюсь, вы сможете нам помочь. Кстати, меня зовут Генрих. Генрих фон Рау.

— Но как я вам помогу?

Теперь в ее голосе звучал не столько испуг, сколько удивление. И в обморок падать она, похоже, не собиралась. Поэтому Генрих решил продолжить.

— Я хотел бы кое-что уточнить. Вы позволите?

И, дождавшись ее неуверенного кивка, спросил:

— Вы были близки с профессором?

— Что вы! — Она даже слегка улыбнулась. — Я ему выдавала книги. И по правде сказать, немного его боялась. Он был очень строгий и ворчал каждый раз...

— То есть вы общались с ним здесь, в библиотеке?

— Конечно. Но это было давно. Потом он заболел и перестал приезжать. В этом семестре мы уже ни разу не виделись, только говорили по телефону. Он объяснял, какие книги для него подготовить. А потом их отвозили ему домой.

— Когда он звонил в последний раз?

— Вчера вечером.

Любая ищейка на месте Генриха сейчас бы сделала стойку и затыкала от азарта. Но он ощутил лишь нечто вроде досады. Если до этой минуты еще тлела слабая надежда, что, не найдя зацепок, он отвертится от участия в деле, то теперь надеяться было глупо. И еще было стыдно перед зеленоглазой барышней, которую придется втягивать в эту мерзость — пусть и всего лишь косвенно.

— О чем вы с ним говорили?

— Профессор просил отыскать одну рукопись. Сказал, это очень срочно.

— Как звучал его голос? Профессор был спокоен? Вздволнован?

— Да, он волновался. Я еще удивилась — обычно он все объяснял так сухо, чуть ли не по слогам диктовал. Я даже обижалась порой — ну почему он так, будто с какой-нибудь первокурсницей? А тут он спешил, горячился даже — прямо на себя не похож.

— И что за рукопись его так заинтересовала?

— Очень редкая. То есть вообще в единственном экземпляре — в печать она не пошла. Автор — коллега профессора, тоже историк, давний и яростный оппонент. Они друг друга терпеть не могли, хоть и признавали заслуги.

— Ага. Так о чем писал этот яростный? — Спрашивая, Генрих уже догадывался, каким будет ответ.

— О последних годах правления Старого короля. Причем рукопись — не научный труд в

строгом понимании, а скорее беллетризованные отрывки из биографий.

— Чьих биографий?

— Тогдашних деятелей — министров, советников короля и кронпринца. Автор, насколько я поняла, выбрал ключевые моменты их жизни и пересказал в вольной форме. Профессор, кстати, очень не любил такой стиль. Всегда требовал только факты — и чтобы никакой отсебятины.

— Ясно. Значит, вы отправили рукопись герру Штранглю. Как она выглядела? — Генрих еще раз припомнил обстановку в кабинете убитого. Вроде бы там на виду лежал только фолиант да еще хозяйский блокнот. А рукопись, наверное, забрал преступник.

— Я не отправляла, — сказала зеленоглазка.

— В смысле?.. — Он не сразу переварил информацию.

— Когда позвонил профессор, я уже уходила — и так засиделась тут допоздна. Искать стала только сегодня утром. Нашла, хоть и не сразу. После занятий кто-нибудь из первокурсников должен был ее отвезти.

— Она до сих пор у вас?

— Да, конечно. — Барышня выдвинула ящик стола, чтобы извлечь оттуда прошнурованную стопку бумаги.

— Разрешите?

На титульном листе значилось имя автора — Вернер Хирт. Сама рукопись называлась «Стеклянные сумерки. Люди и судьбы». Автор явно давал понять, что без художественных изысков дело не обойдется.

— Так почему же текст не издали?

— Не знаю, — развела руками она, — я до вчерашнего дня вообще не подозревала, что такая рукопись существует.

— Вы успели ее прочесть?

— Нет, только пролистала. Мне та эпоха не столь близка.

«Ну да, ты ведь тогда, наверное, в колыбели лежала», — с грустью подумал Генрих, а вслух сказал:

— Это и к лучшему. Мой вам совет — не говорите никому, что эти бумаги были у вас в руках. Даже ректору. Если он спросит про наш разговор — а он наверняка спросит, — отвечайте, что ничего конкретного вы мне рассказать не смогли. А бумаги я забираю.

— Как это «забираете»? — возмущенно пискнула барышня и сразу очень похорошела. — Они принадлежат университету, занесены в каталог! И я за них отвечаю!

Он мог бы напомнить ей, что как минимум один человек, знавший о существовании рукописи, уже распрощался с жизнью. Но лишний раз пугать библиотечаршу не хотелось. Поэтому Генрих со вздохом достал жетон.

— Взгляните, фройляйн Майреген. Я сотрудник Третьего департамента. Вот моя должность, видите? Можете ее записать. Или, если угодно, позвоните прямо в контору, генералу цу Нидерхаузену. Он подтвердит мои полномочия. Но я еще раз прошу — никому больше ни слова о рукописи. Поверьте, так будет лучше.

Сказал — и сразу подумал, что выбрал неверный тон. Люди из «тройки» не просят, они приказывают. А он размяк за прошедшие годы, потерял хватку. Надо исправляться, пока не поздно. Взять с девицы подписку, чтобы молчала. Припугнуть ужасными карами. Пусть лучше она его ненавидит, чем...

— Я вам верю. — Она посмотрела ему в глаза, потом покосилась на жетон — с

недовольством, но все же без отвращения. — Да, верю. Но у меня есть одно условие.

«Да чтоб тебя...» — подумал Генрих.

— Какое условие?

Девушка встала, выбралась из-за стойки. Подошла почти вплотную к нему, задрала голову — маленькая и взъерошенная, как птичка.

— Я хочу и дальше вам помогать. Нет-нет, погодите. Я не требую делиться со мной секретами. Но если убийство связано с книгами — или хотя бы с рукописями — то мастеру-эксперту не помешает библиотекарь. Ну признайтесь, разве я не права?

Он улыбнулся помимо воли:

— Да, фройляйн. Пожалуй, правы.

— Вот видите! Итак, что вам подсказать?

Генрих хотел отшутиться, но тут его посетила неожиданная идея. И он спросил:

— Скажите, что у вас есть о чертополохе?

— О чертополохе? — «Птичка» удивленно моргнула.

— Да. Где могут упоминаться эти колючки? Ну, за исключением ботанических справочников...

— А это тоже связано с делом? — подозрительно спросила она.

— Самым непосредственным образом. Подробности я, простите, сообщить не могу. Вы же сами пообещали не выпытывать никакие секреты.

Барышня фыркнула:

— И не собиралась я ничего выпытывать! Просто уточнила на всякий случай. Что ж, если это действительно важно, давайте попробуем через световой поиск.

Она подвела посетителя к небольшой конторке. Взяла с полочки чистый лист, вставила его в рамку на наклонной доске. Обмакнула перо в закрепленную тут же чернильницу и вывела крупными округлыми буквами: «Чертополох».

Если бы Генрих надел свои очки с линзами, то увидел бы, как бумага наливается изнутри темным светом, набухает, словно под ней открылась вдруг чернильная рана. Но без очков все выглядело банальнее. На листе проступили ровные строчки — каллиграфически-безликие, с нумерацией. Столешница была предварительно обработана, чтобы прирученный свет сразу выдавал результат в читаемой форме.

— Итак, — сказала зеленоглазка. — Ну, первый — это понятно. «Растительный мир Девятиморья», академическое издание. Второй — «Медоносы. Свойства и применение», далее в том же духе...

— Девятый пункт любопытный, геральдический справочник, — мастер-эксперт скользил глазами по списку, — и вот этот еще, семнадцатый: «Жженный Лог. Протоколы и свидетельства очевидцев»... Стоп, а здесь что?

Последняя строчка никак не могла проявиться четко. Буквы то становились ярче, то выцветали и почти сходили на нет. Так продолжалось еще секунд десять, пока надпись все же не закрепилась. Фон Рау прочел: «Династические хроники. Том 26».

Наверное, что-то отразилось у него на лице, потому что зеленоглазка с жадным любопытством спросила:

— Вам ведь эта книга знакома, да?

— Да, в некотором смысле.

Именно такое издание лежало у профессора на столе — тот самый фолиант с загадочной иллюстрацией. Мысли опять запрыгали. Генрих поморщился, еще раз глянул на список:

— А почему поиск выдал ее не сразу? Из-за чего строчка так мигала?

— Не знаю, — библиотечка развела руками, — никогда раньше такого не видела. Свет как будто засомневался...

— Засомневался, есть ли там слово «чертополох»?

— Вроде того. Я понимаю, как глупо это звучит.

— Что ж, давайте проверим. Посмотрим эти самые «Хроники». И заодно про геральдику и про Жженный Лог.

— Да-да, сейчас принесу. Так, секции номер...

Она убежала, а посетитель остался ждать, вспоминая незнакомку на фото, которая

выглядела слишком живой. И насмешливый взгляд, пришедший прямо из прошлого.

— Вот, пожалуйста. Все отыскала.

Генрих взял у нее фолиант и положил на конторку. Провел ладонью по прохладному переплету из гладкой телячьей кожи. Открыл, быстро пролистал. Страницы шуршали, как опахало. Мелькнула бледная искорка — прирученный свет подсказывал, что где-то там, в тексте, встретилось искомое слово.

С некоторым волнением он вернулся к нужной странице. Предчувствие не обмануло — искорка-подсказка мерцала рядом с фотографией, сделанной на балу. Вот только сам снимок выглядел на этот раз вполне заурядно. Дама, не сводящая глаз с кронпринца, уже не казалась ярче, «живее», чем остальные гости. Словно за пару часов, прошедших с момента обыска в профессорском доме, время все-таки настигло ее, обволокло, затянуло в свой блеклый, линиялый омут.

Генрих понятия не имел, как это происходит. Да, конечно, в прошлый раз ему могло померещиться — засветка в доме повлияла на восприятие. Но, опять же, возникает вопрос — почему именно таким образом? Почему морок «оживил» незнакомку? В любом случае про эту «фаворитку» надо выяснить все, что только возможно.

Но для начала следовало разобраться с колючками.

В отрывке с подсвеченным словом значилось: «...отличались раскованностью, которая, по мнению консерваторов, граничила с дерзостью и откровенным вызовом. Так, одна из дам явилась на прием с брошью в форме скорпиона, другая же вместо розы прикрепила на платье цветок чертополоха с шипами...»

Короче говоря, речь в этом абзаце шла о взбрыках придворной моды. Конкретных имен, однако, не называлось, да и вообще автор не углублялся в тему. Что было вполне объяснимо: хроники династии — это все-таки не дамский роман. Наряды описывались лишь в качестве иллюстрации того факта, что этикет в те годы стал чуть менее строгим, а при дворе появилось множество новых лиц.

Ладно, с чертополохом — пока пустышка. Ничего интересного.

Да, но почему засбоил свет-поиск? Почему вдруг «засомневался»? Вот, пожалуйста, слово «чертополох» напечатано в тексте, черным по белому.

Загадка.

И с «фавориткой» тоже ясности не прибавилось — ни на этой, ни на соседних страницах она не упоминалась. То есть, конечно, Генрих и не надеялся, что в парадном издании будут перечисляться любовницы наследника трона. Но здесь и намек не было, что это за брюнетка на фото.

Библиотекарша, которая тоже прочла абзац, спросила немного разочарованно:

— Вы что-нибудь поняли, герр фон Рау?

— Пока нет. Давайте посмотрим другие книги. Вот хотя бы геральдику.

Он убрал фолиант с конторки, а на его место положил справочник. Снова зашелестели страницы. Книга пестрела картинками — здесь были гербы дворянских фамилий Девятиморя, от самых известных и приближенных к трону до захирелых и полунищих. Мелькали щиты всевозможных форм и расцветок, клинки и звезды, зверюги с когтями и красными языками, птицы с тяжелым взглядом.

Чертополох попался несколько раз — девять, если быть точным. Символ был довольно распространенный и означал что-то вроде: «К нам лучше не лезь, уколем». Генрих, взяв перо и листок бумаги, сделал для себя памятку — перечислил всех, у кого такой элемент нашелся.

Практического смысла в этом пока не просматривалось. Ну разве что явиться к каждому в замок и поинтересоваться — а не вы ли, часом, загубили профессора? Но на всякий случай пусть будет.

На очереди была третья книжка, однако едва он ее открыл, раздался звонок — лекционный час завершился, началась перемена. Не дожидаясь, пока в библиотеку потянутся посетители, Генрих сказал:

— Фройляйн, книгу про Жженый Лог я тоже возьму. Можете даже записать ее на меня. Я, между прочим, ваш абонент.

— Вот как? — Она изогнула бровь. — Сотрудники Третьего департамента испытывают тягу к печатному слову?

— Мы очень разносторонние личности. Но, напомню, детали нашей беседы никому сообщать не нужно. И особенно про рукопись.

— Я поняла! Какой вы все-таки...

— Нудный, — закончил за нее Генрих. — Мне много раз говорили.

— Я хотела сказать — добросовестный.

— Ценю вашу тактичность. Кстати, нельзя ли книги во что-нибудь завернуть? Чтобы в руках не тащить? Ага, спасибо, вот так. Что ж, фройляйн Майреген, благодарю за содействие.

— Только не забудьте наш уговор! Если что-то еще понадобится...

— ...то я непременно к вам обращаюсь. А пока позвольте откланяться.

Он снова шел по длинному коридору, только теперь здесь было шумно илюдно. Студенты, галдя, покидали аудитории. Попались навстречу двое смутно знакомых профессоров. Генрих кивнул им, порадовавшись, что учился и преподавал в другом здании, — разговаривать ни с кем не хотелось.

Но к ректору все-таки надо заглянуть на прощанье, чтобы не обижался. А то обиды он помнит долго. Подумав об этом, фон Рау со вздохом шагнул в приемную. Секретарь, завидев его, замахал рукой и затараторил кому-то по телефону:

— Да-да, он здесь! Одну секундочку!

И уже Генриху:

— Это вас!

— Спасибо. — Тот взял трубку. — Слушаю.

— Что-нибудь выяснили? — спросил генерал.

— Пока ничего конкретного. Я тут как раз закончил, собирался в контору.

— В контору не надо. Встретимся на железнодорожном вокзале, я сейчас туда выезжаю. Предупрежу Кольберга, он вас подберет по пути.

— Почему на вокзале?

— Найдена третья жертва. Так что поторопитесь.

Паровозы тянули к небу дымные руки, шарили в стылой мгле, пытаясь нащупать солнце. Семафоры отмахивали сигнальными крыльями, вагоны катились с тяжелым гулом. Рельсы, блестя, похотливо переплетались. Депо разевало черную пасть, глотая очередную грудую железа.

Уголь и пар. Смерд и сажа. Искры и лязг.

Труп лежал за пакгаузом — мужчина лет сорока пяти в разодранном длиннополом пальто. На горле зияла рваная рана. Кровь растеклась вокруг, прежде чем ее прихватил мороз; она почти не выделялась на бурой, закопченной земле.

Да, рана явно осталась от таких же шипов, как в профессорском доме. Вот только сами шипы отсутствовали.

— Погодите, — сказал Генрих. — Я что-то не совсем понимаю...

Генерал посмотрел на Либхольца. Тот неохотно принялся объяснять:

— Судя по всему, эта жертва — первая, просто ее обнаружили позже всех. Засветка меньше, чем в аптеке и тем более у профессора. Шипы сразу распались. А сам убитый пролежал как минимум сутки. Нашли сегодня случайно. Сюда почти никто не заглядывает, вход в пакгауз — с другой стороны.

Мастер-эксперт еще раз огляделся. И правда, закуток довольно глухой. До ближайшего перрона — пара сотен шагов, оттуда ничего не увидишь. Да никто и не смотрит — как раз началась посадка, локомотив уже под парами.

— А личность установили?

— Да, у него были при себе документы. Старший механик в таксомоторном парке. Ехал по служебной надобности в Тильзит. Точнее, собрался ехать — билет мы тоже нашли. Поезд ушел вчера в пятнадцать-пятнадцать, но он на него не сел. Зачем-то сошел с перрона и оказался здесь, у пакгауза.

— То есть получается, если по хронологии...

— Сначала убили этого господина. Потом аптекаря. Потом историка. Мощностъ выброса каждый раз нарастала.

— И связь между ними установить, конечно, не удалось?

Либхольц пожал плечами.

Фон Рау попытался проанализировать ситуацию, но голова отказывалась работать. Слишком много он увидел за этот день. Хотелось сесть где-нибудь, закрыть глаза, и чтобы никто больше его не трогал. Еще не мешало бы пообедать, но ведь кусок не полезет в горло после таких картин.

Он отошел на несколько шагов, поднял лицо к небу, вдохнул дымно-морозный воздух. Стало немного легче.

— Что в университете? — Генерал остановился рядом.

Генрих пересказал беседу с библиотечаршей. Развернул свой пакет, показал книгу и рукопись генералу. Тот бегло пролистал их, прочел оглавление. Спросил:

— Есть мысли, как нам это поможет?

— Пока нет. Надо отдать какому-нибудь историку. Особенно рукопись — она тут явно важнее. Ну и, конечно, с автором нужно поговорить.

— С автором — да. Расспросим его сегодня же. А вы пока прочитайте рукопись. Прикиньте по содержанию, с кем еще можно проконсультироваться. Но, самое главное, я хочу услышать ваше личное мнение. Вы знаете нашу специфику и поймете, на что обратить внимание.

— Хорошо, Теодор. Только, если не возражаете, я поеду домой. Раз уж мы все равно на вокзале... Нет, серьезно, так будет больше толку. Я сяду в тишине, почитаю и поразмыслю. Если наткнусь на что-то сверхважное, сразу вам позвоню. Мой поезд — через двадцать минут.

Генерал посмотрел на него с некоторым сомнением, но все же кивнул:

— Поезжайте. Завтра изложите ваши выводы. Утром меня в конторе не будет — ждут на доклад, — он возвел глаза к небу, демонстрируя уровень предстоящей аудиенции, — так что звоните ближе к полудню.

— Договорились. И, Теодор, еще вопрос напоследок. Зачем вы сейчас приехали лично? Сюда, на место убийства? Ну, первый раз — понятно, случай слишком неординарный. Но теперь-то история уже повторяется. Новости вам и так сообщили бы.

— Не ходите вокруг да около, Генрих, — усмехнулся генерал, — спросите прямо.

— Ладно, пусть будет прямо. Вы, по вашему утверждению, ощутили мой ответ в аптеке. След моего присутствия. И наверняка решили проверить в других местах. Вот я и хочу узнать, каков результат. Что вы почувствовали у профессора дома? И здесь, на вокзале?

— У профессора — ничего. Но там и засветка самая мощная. А здесь...

— Ну, Теодор, не тяните же.

— Снова мимолетное ощущение. Но слишком слабое, будто отраженное от чего-то. Нет, вас тут не было, это ясно. А была — как это сформулировать? — словно бы мысль о вас. Только не переспрашивайте, я сам пытаюсь понять. Главное, что к убийствам вы не причастны — теперь я стопроцентно уверен. В этом смысле можете работать спокойно.

— Что ж, и на том спасибо. Но все равно я готов об заклад побиться — вы что-то недоговариваете. Знаете больше, чем сообщили мне.

— Ну естественно, Генрих! — охотно подтвердил генерал. — Начальство всегда знает больше, чем подчиненные. Неужели вы еще не привыкли? Подчиненным же надлежит не гадать о тайных мотивах, а всячески демонстрировать рвение.

— Спасибо, Теодор, — буркнул он. — Прикосновение к вашей бюрократической мудрости меня исцелило. Поеду работать, пока пыл не угас.

Он заглянул в кассу, купил билет и выбрался на перрон, откуда уходили пригородные поезда его направления. Кондуктор чинно кивнул ему, и Генрих шагнул в вагон. Сейчас он путешествовал вторым классом — отдельных купе тут не было, но кресла вполне удобные.

Свободных мест оставалось много — повезло, что уехал днем. Вечером картина была бы совсем иная. Железная дорога все больше входила в моду. Многие теперь приезжали в столицу утром, а к ужину возвращались обратно. Такие поезда уже окрестили «маятниками», и Генрих с тревогой думал, что будет, если билеты станут еще дешевле.

Он сел у окна. Поезд тронулся. За окном проплыл злосчастный пакгауз, потом депо. Вдоль колеи громоздились штабеля пропитанных шпал, топорщился мерзлый бурьян, чахли голые липы и тополя.

Мелькнул переезд. Перед шлагбаумом понуро стояла лошадь с телегой. К путям подобралась неуклюжие постройки без окон — военные склады. Длиннейшая глухая стена полностью перекрыла обзор. На ее темном фоне Генрих увидел в стекле свое отражение — физиономия недовольная, на лбу залегли морщины.

Дама, выглянувшая из-за его плеча, тоже отразилась в окне. Ее зеркальный двойник улыбнулся Генриху, и он узнал брюнетку с королевского бала.

Вздвогнув, он резко обернулся, но кресло рядом с ним пустовало. Несколько секунд Генрих тупо таращился на коричневую обивку. Наконец преодолев ступор, поднял голову и оглядел вагон. Пассажиры занимались своими делами, никто не обращал на него внимания. Дородный господин, сидевший через проход, читал «Приморский курьер». Позади него две матроны в безвкусных шляпках чинно переговаривались.

Брюнетка же исчезла бесследно. То есть вряд ли она вообще существовала в реальности — больше похоже на очередную галлюцинацию. Весьма убедительный, жизнерадостный морок.

На всякий случай он снова взглянул в окно, но тоже безрезультатно — стена снаружи отступила, стало светлее, и зеркальное изображение растворилось бесследно.

Проклятье, что же тут вообще происходит?

Дама со снимка четвертьвековой давности привиделась ему второй раз подряд. И это совсем не радует, если учесть, что профессор, которому красавица тоже не давала покоя, теперь лежит разодранный в клочья.

Ясно одно. Под этой историей с чертополохом и фотографией погребена какая-то тайна — огромная и старая, перебродившая, как тесто в квашне, и прущая теперь неудержимо наружу.

И чтобы найти убийцу, придется копаться в прошлом. В том самом времени, которое Генрих так старался забыть — даже жалел иногда, что затворяющее клеймо, которое ему наложили, не блокирует заодно и память.

Впрочем, если отвлечься от личных переживаний, эпоха тогда была и в самом деле неординарная. Да что там — уникальная была эпоха, величественная и звонкая. Не чета нынешней сытой дреме. Перелом уже назревал, и что-то манящее, тревожно-неуловимое носилось в воздухе. Все понимали, что Старый король не вечен, и шептались, увлеченно гадая, чем обернется его кончина. Реальность, правда, несколько превзошла ожидания.

Любопытно, что бы сказал о тех временах беспристрастный наблюдатель со стороны? Какой-нибудь иноземный исследователь, впервые в жизни услышавший про Девятиморье. Хотя где его такого найдешь? Страну Девяти морей знают в каждом уголке ойкумены.

Но, предположим, наблюдатель все же сыскался. Смотрит он, значит, и записывает в блокнот — ага, есть столица и есть король. Ну, это как у всех, ничего особенного. А вот дальше уже интереснее — король назначает канцлера, но не абы кого, а представителя одного из двух влиятельнейших родов. То есть человека либо из Железного, либо из Стеклянного Дома.

«Ага, — говорит себе наблюдатель, почесывая умную лысину. — Чем же эти дома знамениты? И почему такие названия?»

С Железным понятно — он испокон веку делал лучшее оружие и доспехи, хитрые механизмы, а теперь вот взялся за вещи и посложнее. Паровозы, дирижабли, локомобили — все это его вотчина.

В Стеклянном же Доме мертвое железо не любят. Там приручают свет.

Люди, способные к светописи, рождаются порой и в других, самых обычных семьях. Но лишь «стекольщики» знают, как отточить умение до совершенства. Они — первооткрыватели. История о том, как свет впервые явил человеку свою чернильную

сторону, достойна отдельной книги. Но это уже легенда, присыпанная пылью веков, а наблюдатель отвлекаться не хочет.

В текущем столетии канцлер несколько раз подряд назначался от Стеклянного Дома. Этой традиции придерживался и Старый король, просидевший на троне почти полвека и почитавший светопись благороднейшим из искусств. Впрочем, и к технике он относился достаточно благосклонно — именно при нем появились рельсовые пути и первый воздушный порт.

А вот его сын, король Альбрехт, светопись почему-то не жаловал. Не запрещал, но задвинул на второй план. И канцлера сменил почти сразу. Линза — знак Стеклянного Дома — исчезла с канцлерской резиденции, а лязгающие машины полезли, как тогда показалось Генриху, буквально из всех щелей. Правда, фон Рау, в отличие от гипотетического наблюдателя-иноземца, рассуждал, прямо скажем, небеспристрастно. Особенно после того, как получил клеймо...

И вот теперь его, заклеяменного, привлекают к расследованию. Чтобы, значит, помог оградить августейшую семью от возможной угрозы. Как будто Генриху не плевать на его величество Альбрехта, а заодно и на всех его фавориток — прошлых, настоящих и будущих...

Мастер-эксперт так погрузился в эти невеселые мысли, что едва не пропустил свою станцию. Но вовремя спохватился и пошел к выходу.

Он любил этот тихий пригород с маленьким уютным вокзалом. Люди здесь, казалось, никогда и никуда не спешили. Даже носильщики на перронах не мчались как оглашенные, а катили свои тележки с достоинством романских патрициев. Только паровоз нетерпеливо пыхтел, дожидаясь конца посадки-высадки.

Генрих миновал кирпичное здание с часами «во лбу» и вышел на привокзальную площадь. Знакомый извозчик, завидев его, приподнял шапку.

— Домой, герр профессор?

— Домой.

Копыта цокали по булыжникам. Лошади мерно кивали, заранее соглашаясь со всем, о чем подумает пассажир. Дыхание уходило морозным паром. Улица катилась навстречу — вот уже показался тот самый двор с каштановыми деревьями. Солнце, вспоров лучами мгlistую кисею, блеснуло над горизонтом, подкрасило обындевевшие ветки.

Флигель, где квартировал фон Рау, стоял наособицу. На стук отворила Эльза — приходящая домработница, экономка и кухарка в одном лице. Сухонькая, в мышинного цвета платье и неизменно чистом переднике. Ей было сорок пять — и треть жизни она присматривала за этой квартирой.

— Обед готов, герр фон Рау. Я накрываю?

— Да, пожалуй.

Мысль о еде уже не вызывала прежнего отвращения. Не то чтобы кровавые картинки забылись, просто домашняя обстановка подействовала на него успокаивающе. А может, проснулся наконец защитный рефлекс, приобретенный когда-то на оперативной работе, но захиревший за годы кабинетных трудов.

— Так что там у нас?

— Айнтопф по-мадьярски, с телятиной.

— Гуляш, Эльза. Он называется «гуляш». Почему вы так не любите это слово?

Достав из буфета початую бутылку коньяку, Генрих набулькал рюмку. Выцедил, блаженно зажмурившись, и только после этого сел к столу. Орудая ложкой, он по инерции думал о

фотографии, но потом мысли как-то незаметно съехали на библиотеку и «птичку», которая там хозяйничала. Захотелось вдруг позвонить милейшей фройляйн Майреген — в чисто служебных целях, само собой разумеется. Уточнить еще раз список литературы. Вопрос ведь нешуточный, дело государственной важности...

Отобедав и приняв горячую ванну, он еще раз наведлся к буфетному шкафчику. Чувствуя приятное тепло во всем теле, опустил в кресло, вытянул ноги. За окном клубились сизые сумерки. Лениво подумалось, что можно полчаса подремать, а потом, пожалуй, почитать рукопись, раз уж обещал генералу...

Тишина взорвалась хриплым надсадным звоном. Генрих подскочил в кресле и чертыхнулся в адрес того, кто снабдил телефоны таким сигналом.

Телефонную линию в пригород протянули пять лет назад — сначала в резиденцию бургомистра, потом в несколько богатых домов. Фон Рау это новшество нисколько не привлекало — он прекрасно прожил бы без чужих голосов в квартире. Но техники вдруг явились к нему. Оказалось, что домашние аппараты теперь положены всем университетским преподавателям. Отвертеться не удалось — идея исходила лично от ректора, который, словно бешеный бык, пер по пути прогресса.

— Слушаю вас.

— Генрих, вы уже добрались? Читаете рукопись?

— Да, Теодор, как раз приступаю, — соврал Генрих, не моргнув глазом.

— Хорошо. Хотел вам сообщить последние новости.

— Дайте угадаю. Четвертый труп?

— На этот раз — нет. Подробности об аптекаре. Прислали ответ из Дюррфельда — это деревня, где он вырос. Насчет матери подтвердилось — одна из местных селянок, прожила там всю жизнь. А вот с отцом не очень понятно. По документам, отец — деревенский плотник. Погиб еще до рождения мальчика. Однако старожилы говорят, что, по слухам, у женщины был некий богатый друг, чуть ли не из столицы. Откуда такое знакомство, толком никто не знает. Сам богач в деревне не появлялся, зато женщина иногда уезжала куда-то на одну-две недели. Куда именно — не рассказывала. Но началась эта «дружба» как раз в те годы. Звучит, конечно, не слишком правдоподобно...

— Угу. Но если все-таки допустить, что аптекарь — внебрачный сын этого столичного гостя...

— ...то это объясняет, по крайней мере, откуда у аптекаря взялись деньги на учебу и остальное. Но нас-то интересует другое. Кто именно был настоящий отец — вот главный вопрос. Если узнаем, то, надеюсь, проясним связь с убийствами. К сожалению, за эти годы в деревне все обросло таким количеством сплетен, что черт ногу сломит. Надо разбираться на месте. Я уже отправил туда нашего человека, к утру на поезде доберется. Ждем результатов.

— А механик? Которого на вокзале убили? Может, и у него в родословной какие-нибудь сюрпризы?

— Мысль, конечно, напрашивается, но пока не успели выяснить. Копаем дальше.

— Понял, Теодор. Спасибо за информацию.

— Все, Генрих. Больше не отвлекаю.

Фон Рау перешел в кабинет, сел за стол и разложил перед собой «трофеи» — рукопись, книжку про Жженный Лог и список дворянских семей, у которых есть чертополох на гербе.

«Начнем, пожалуй...»

И в ту же секунду снова грянул телефонный звонок.

«Да сколько ж можно...» — страдальчески подумал он, снимая трубку. Женский голос на том конце провода звучал взволнованно и очень знакомо:

— Алло? Герр фон Рау, вы слышите?

— Да-да, я здесь.

— Это Анна, Анна Майреген! Мы с вами разговаривали сегодня в библиотеке...

— Конечно, Анна, я помню. — Он машинально назвал ее просто по имени, но вроде бы это не прозвучало слишком бестактно.

— Я только хотела... — Она запнулась. — Простите, что беспокою вас дома, но, может быть, это важно...

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — сказал Генрих. — Я очень рад, что вы позвонили. Скажите только, вы сейчас у ректора в кабинете? В библиотеке, насколько я помню, нет аппарата.

— Нет, я с почтамта! То есть у ректора в приемной мне подсказали ваш номер, но оттуда я не стала звонить, чтобы никто не слушал.

— Вы все правильно сделали. Так что же стряслось?

— Понимаете, когда вы ушли, мне стало интересно. Я еще раз задала поиск по слову «чертополох». И представляете, нашла новую книжку! Ну, кроме тех трех, что вы уже видели. Даже не знаю, как мы в первый раз ее пропустили...

— Так, — сказал он. — И что за книжка?

— Фольклорный сборник. Баллады всякие, легенды, сказки. И вот в одной балладе чертополох как раз и упоминается. Я переписала строфы...

— Строфы?

— Да, там в стихах. — Она почему-то снова смутилась.

— Прочтите, если не затруднит.

— Ладно, только не смейтесь!

— Обещаю. — Он улыбнулся.

И Анна прочла:

Рвет ему кожу
люто и зло
чертополох шипом.
Душу тревожит —
что привело
в ведьмин постылый дом?

Дослушав, Генрих почесал в затылке. Спросил:

— А что за ведьма? Там дальше где-нибудь объясняется?

— Ну, по сюжету, злая колдунья заманивает путников в чащу и убивает. Они идут одурманенные, ничего не соображают. И один храбрый рыцарь тоже вот так попался. Шел как во сне. Но, к счастью, у тропинки рос кустик чертополоха. Колючки разодрали рыцарю руку, и от этого он проснулся. Вытащил меч и зарубил колдунью. И в самом конце уже... секунду... Ага!

Она продекламировала:

...будет он помнить —
спас ему жизнь
колючий чертополох.

— Вы красиво читаете, — похвалил Генрих.

— Я просто очень люблю баллады. И старые песни тоже. Могу их часами слушать! Вот завтра, например, у нас в парке будут гуляния...

— А знаете, — сказал он неожиданно для себя самого, — давайте сходим и послушаем вместе. Я вас приглашаю. Если вы, конечно, не против.

— Давайте! — Кажется, она и в самом деле обрадовалась. — А как мы встретимся?

— Я подъеду к университету — надо только условиться, в котором часу...

Повесив трубку, он еще минут десять сидел, бездумно глядя в окно. Работать не было никакого желания. Не хотелось даже зажигать свет — вечерний сумрак как раз пришелся под настроение.

Во входную дверь постучали. Генрих слышал, как Эльза открыла и обменялась с кем-то парой коротких фраз. Потом она заглянула к нему в кабинет:

— Герр фон Рау, письмо для вас. Мальчишка принес, посыльный.

— Спасибо, Эльза. Давайте.

Пришлось-таки зажечь лампу. На конверте он не обнаружил ни марки, ни обратного адреса. Внутри — короткое послание: «Дорогой Генрих! Наконец-то мне представился случай лично связаться с вами. Ведь это довольно странно — знать вас почти полжизни, но ни разу не перемолвиться словом. Пожалуйста, не удивляйтесь. Скоро вы все поймете и согласитесь, что принятое мною решение было вынужденным и единственно верным. Ваш генерал хоть и солдафон, но сформулировал точно: шторм уже близко, идет волна. Впрочем, надеюсь, это не помешает нам с вами плодотворно сотрудничать».

И ниже с игривыми завитушками: «Ваша «фав-ка».

Еще имелся постскрипtum:

«P.S. Запах и в самом деле просто волшебный!

R.P.S. Нет, я не слежу за вами. Просто у вас талант оказываться в самой гуще событий. Чему я, кстати, искренне рада — мы ведь на одной стороне».

Генрих потер подбородок, еще раз перечитал письмо.

«Фав-ка», значит. Шутить изволит. И тонко дает понять, что видела блокнот профессора Штрангля, то есть лично была в том доме. Собственно, текст письма можно рассматривать как признание. «Принятое решение» — что это, если не убийство? Да, она не сказала прямо, но по-другому трудно истолковать.

И она не боится, что Генрих использует ее послание как улику? Это ведь уже не морок, не наваждение, а нечто вещественное. С этим можно идти на доклад к генералу. Фото подозреваемой есть, хоть и старое. Вряд ли так уж трудно выяснить личность.

Конечно, нельзя исключать, что кто-то водит мастера-эксперта за нос, отправляя депеши от имени «фаворитки». И хочет таким образом сбить следствие с толку.

Но кем бы ни был отправитель, его осведомленность пугает. Он (или она) знает, о чем генерал и фон Рау разговаривали наедине, когда ехали в экипаже. Теоретически их могли подслушать с помощью светописи, оставив руну-маяк на локомотиве. Это, впрочем, сомнительно — все экипажи в департаменте проверяют. Или в конторе завелся «крот»?

А может, следящей руной помечен сам Генрих?

Подумав об этом, он взял очки-линзы, вылез из-за стола и тщательно осмотрел одежду, в которой ездил сегодня в город. Нет, ничего. Никаких намеков на постороннюю светопись. И, пожалуй, в данном случае он склонен поверить таинственной «фаворитке», которая в постскриптуме написала, что за ним не следит. Хотела бы обмануть — вообще не стала бы упоминать о подслушанном разговоре.

Еще хорошо бы выяснить, что значит «мы с вами на одной стороне». Но пока об этом можно только гадать.

Так, ладно. Что теперь? Звонить генералу или сначала посоветоваться с историками, спросить про даму на фотографии? Вдруг кто-нибудь ее вспомнит? Время подходящее — вечер, и многие должны быть в «беседке».

Он достал из выдвижного ящика плотный кожаный коврик-подложку — дюймов двадцать в длину и столько же в ширину. Поместил его перед собой на столешницу. Светоносные нити, вживленные в кожу, едва заметно блеснули. Поверх коврика лег линованный лист бумаги.

Взяв перо, Генрих написал псевдоним, под которым его знали в «беседке»: Тевкр. Ниже вывел строчку из Овидия: «Вот уж на веслах прошли мимо Сциллы и жадной Харибды тевкров суда». Фраза была ключом — буквы мигнули и словно бы провалились сквозь лист в открывшийся под ним омут.

«Беседка» впустила нового гостя.

«История. Вопрос. Общий круг», — нацарапал он на бумаге. И далее: «Коллеги, буду благодарен за консультацию. В «Династических хрониках», т. 26, на стр. 211 имеется фотография с королевского бала. Не подскажет ли кто-нибудь, что за дама так увлеченно разглядывает кронпринца?»

На полях он нарисовал вертикальную стрелку острием вниз, подтверждая написанное, и слова побледнели, хотя на этот раз и не исчезли совсем. Вопрос был принят, и можно было надеяться на компетентную справку — доступ в «беседку» имели только официальные члены академического сообщества.

В прежние годы, когда Стеклянный век еще не закончился, было много разговоров о том, что связь через светопись нужно сделать общедоступной. Такое общение, мол, не должно быть уделом избранных. Но коврики со светоносными нитями были штучным и весьма дорогим товаром, поэтому все осталось как прежде.

Свои «беседки» имелись у купцов, адвокатов, состоятельных докторов и, конечно, у богатых бездельников и бездельниц. В последнем случае «беседки» эти назывались «салонами». Их завсегдатаи обменивались светскими сплетнями, заигрывали и писали друг другу стишки фривольного содержания. Особую пикантность этим забавам придавала полная анонимность. Гуляли анекдоты о том, как шутники умудрялись неделями флиртовать, выдавая себя за придворных дам.

Через чернильный свет общались и по служебным делам. Правда, нынешние начальники — особенно в пределах столицы — предпочитали решать вопросы по телефону. Не зря ведь его величество однажды обмолвился, что скрипеть пером ему недосуг, а у некоторых корреспондентов отвратительный почерк...

На листе перед Генрихом проявились новые фразы — пришел ответ. Некто Ибис писал ему: «Коллега Тевкр, вы предложили нам любопытнейшую загадку. Закат Стеклянного века — предмет моего особого интереса. Этот том «Хроник» я, без преувеличения, знаю чуть ли не наизусть. Упомянутый вами снимок тоже весьма известен. Но, к стыду своему, вынужден признать — дама, о которой вы спрашивали, мне незнакома. Более того, я только сейчас обратил на нее внимание, хотя фотографию, повторяюсь, видел несколько раз. Что ж, задета моя профессиональная гордость, и я постараюсь навести справки. Здесь очень помог бы коллега Штрангль, но увы — он трагически нас покинул».

Другой собеседник, назвавшийся Неофитом, был краток: «Однако! Такой ребус — в унылых «Хрониках»! Мои поздравления, коллега! Будем искать. P.S. А ведь красива, чертовка!»

Два следующих сообщения ничего нового не добавили. Можно было уходить из «беседки», но Генрих решил посмотреть, что еще обсуждают в общем кругу. Как он и предполагал, главной новостью была смерть профессора. Впрочем, конкретных обстоятельств убийства никто не знал, и дискуссия плавно переключилась на исторические воззрения несчастного Штрангля.

Знаток со скромным именем Буревестник витийствовал: «Многие почему-то склонны считать, что падение Стеклянного Дома — личная заслуга нынешнего монарха. Ни в коей мере не умаляя роли его величества, хочу, однако, заметить: на все имелись объективные исторические причины. К концу Стеклянной эпохи общество исчерпало внутренние резервы и не имело возможностей для развития. Экономика уперлась в тупик. Светопись, будучи по сути цеховым ремеслом, не могла обеспечить индустриальный рывок. А простой народ не хотел больше ждать от нее подачек. И если бы не прозорливость короля Альбрехта, который решился на слом устоев, волна недовольства поднялась бы с самого низа, с социального дна, и тогда не обошлось бы без крови...»

Комментатор с псевдонимом Ведун имел свое мнение: «Экономика — это верно. Но дело даже не в ней. Вранье — вот что меня в те годы бесило по-настоящему. Вспомните —

врали ведь на каждом шагу! Как они там говорили? Человек могуч и прекрасен — он, приручивший свет, не нуждается в машинах и прочих технических костылях. Все нужное для совершенства, дескать, есть в самом человеке. Ага, замечательный тезис. Просто великолепный. Вот только те, кто светом реально пользовался, превратили себя в закрытую касту. Жирели и плевать хотели на остальных...»

Генрих раздраженно отодвинул листок. Ох уж эти доморощенные эксперты! Все-то они знают, все понимают. Мнят себя истиной в последней инстанции. Значит, говорите, мастера светописи — разжиревшая каста? Да вы хоть представляете, идиоты, какой прорыв тогда готовился? Именно в те последние «стеклянные» годы? И если бы не Альбрехт, севший на трон, все было бы по-другому...

Он поднялся, шагнул к окну.

В стекле отражалась освещенная комната, а снаружи ночь обнимала дом, шептала зимнюю колыбельную. Генрих стоял, задумавшись.

Растревоженная память не давала покоя...

Их было пятеро. Он сам и его друзья-добровольцы, окончившие университет и два года прослужившие в департаменте. Контора курировала проект от начала и до конца, что неудивительно. В случае успеха они бы вывели светопись на новый, невообразимый доселе уровень.

Но свежескоронованный Альбрехт наложил запрет. Он предпочел машины.

Сегодня из тех пятерых в живых остался лишь Генрих. Живет себе с клеймом потихоньку. И уже почти перестал гадать, как бы все повернулось, если бы не треклятая Железная эра...

Собачий вой за окном заставил Генриха вздрогнуть. Завыли, кажется, все окрестные псы — синхронно, будто кто-то дал им команду. От их надрывно-заунывного плача стало не по себе. Тоска поднималась к луне сквозь морозную пелену.

«Фаворитка» подошла к нему сзади, остановилась за плечом — он видел в стекле ее отражение, но не оборачивался. Знал — едва обернешься, она исчезнет. Она улыбалась, глядя в окно, словно видела там не зеркальную картинку, а что-то другое, недоступное Генриху. Платье на ней было теперь не серое, как на том старом снимке, а гранатово-красное. Темные волосы слегка отливали медью, а глаза наполнились янтарным сиянием.

Комната за ее спиной подернулась дымкой. Лампа мигнула — свет изменил оттенок, пропитался чернильной мутью. И еще у него появился запах — медвяный и легкий, как над чертополоховым пустырем.

«Они идут», — сказала брюнетка. Голоса ее Генрих не слышал, но прочел в окне-зеркале по губам.

Из углов поднимались тени — уплотнялись, обретали человеческие пропорции. Темный свет тянулся к ним, пропитывал силой. У фигур обозначились лица, черты проступали резче. В них было что-то знакомое, и когда ближайшая тень приблизилась к Генриху и протянула руку, он не выдержал и обернулся к ней.

В комнате было пусто, лампа горела ровно.

Псы за окном заткнулись.

Генрих вернулся за стол, взглянул на часы. Дело приближалось к полуночи, хотя, по его ощущениям, времени после приезда домой прошло не так много. Это все из-за дурацкой «беседки» — он уже не раз замечал, что если начинаешь вникать в тамошнюю дискуссию (а тем более если сам пытаешься поучаствовать), то будто вываливаешься из жизни. Читаешь,

пишешь, что-то доказываешь — а потом, подняв голову, понимаешь, что бездарно потратил несколько драгоценных часов. Взамен же не получил ничего, кроме злости на тупых оппонентов.

Но все-таки, прежде чем покидать «беседку», следовало прояснить еще одну вещь.

В списке тех, у кого чертополох на гербе, оказался Стеклянный Дом. То есть, конечно, главный символ у него — линза, но на полном варианте герба есть целая куча мелких деталей. Генрих не помнил их наизусть, поэтому днем не особенно удивился, обнаружив там и сиреневый колючий цветок.

Проконсультируемся.

Взяв чистый лист, он написал: «Геральдика. Вопрос. Общий круг».

Ниже: «Коллеги, подскажите, пожалуйста, что означает чертополох на гербе у Стеклянного Дома. Это абстрактный символ (стойкость, умение дать отпор) или есть конкретная подоплека?»

Ответа не было минут десять. Генрих уже решил, что все знатоки отправились спать, когда отозвался некий Легат: «Коллега Тевкр, вы что-то путаете. Никакого чертополоха у «стекольников» нет. И никогда не имелось».

Почесав в затылке, он подошел к шкафу и отыскал справочник — пусть не такой подробный, как в библиотеке, но все же. Открыл нужную страницу, проверил. Вернулся к столу: «Коллега Легат, ничего не путаю. Можете сами удостовериться. В нижней части герба, между кубком и вороном».

Пауза опять затянулась. Наконец проступил ответ: «Коллега, прошу прощения. Теперь, посмотрев на картинку, я припомнил — да, есть у них такой элемент. Не ручаюсь за точность, но смысл вроде бы следующий...»

На этом месте собеседник запнулся. Последние слова набухли чернилами и растеклись по странице кляксой. Генрих чертыхнулся — иногда такие сбои случались, неведомые флуктуации нарушали общение через «беседку». Причем обязательно в самый неподходящий момент.

Ну и ладно.

Со знатоками больше не пообщаешься — значит, осталась рукопись. Глаза, правда, уже слипались, но хотя бы полистать можно.

Всего в рукописи было пятнадцать глав. Каждая посвящалась отдельному персонажу. Как явствовало из краткого предисловия, все описанные события происходили в последние пять лет Стеклянного века. Автор объяснял, что цель его состояла в том, чтобы показать скрытые «движенья души», влияющие на политические решения. Для этого-де и понадобилась беллетризация.

Первым действующим лицом был барон Роберт фон Вальдхорн, советник кронпринца. В главе рассказывалось, как он прибыл в провинцию с поручением, суть которого Генрих с ходу не уловил.

Просмотрев несколько страниц по диагонали, фон Рау вздохнул и вернулся к началу. Если уж читать, то внимательно, иначе упустишь важное.

«Сойдя с поезда, столичный гость направился прямым ходом к извозчичьим дрожкам. Солнце палило немилосердно, и хотелось поскорей добраться до места. Словоохотливый кучер объяснил, что ехать около часа — через поле, мимо Дюррфельда, потом через мост...»

Генрих не сразу понял, что зацепило его внимание. Перечитал абзац, потом еще раз — и удовлетворенно прищелкнул пальцами. Ну конечно!

«Дюррфельд».

Он уже слышал сегодня это название. Родная деревня убитого аптекаря.

Даже спать расхотелось.

Может, разбудить генерала? В качестве мести за сегодняшние волнения?

Нет, сначала надо все-таки почитать.

— Трогай.

Лошадь, понукаемая возницей, потрусила прочь от вокзала. Роберт фон Вальдхорн поерзал на деревянном сиденье, пытаясь устроиться поудобнее. Правой рукой облокотился на бортик, а левую положил на кожаный саквояж, который уже успел нагреться под солнцем и лихо сверкал латунными пряжками.

Дрожки отчаянно дребезжали, пересчитывая булыжники под колесами. Конечно, Роберт мог бы нанять экипаж побогаче и покомфортнее, но у него были свои резоны. Он никогда не упускал случая прозондировать настроения в обществе, а проще говоря — послушать местные сплетни. А этот кучер — белобрысый парень с хитрющей физиономией — показался наиболее перспективным источником.

Роберт вообще полагал, что общение с людьми из низов бывает весьма полезным. Он даже одеваться старался проще, особенно когда ехал в провинцию. Кронпринц посмеивался над этой его привычкой: «Барон, кого вы пытаетесь обмануть? Хоть в рубище обрядитесь — за своего не примут. У вас на лице написано: аристократ в пятнадцатом поколении». Роберт не обижался. Сойти «за своего» он, собственно, не надеялся, просто хотел чуть-чуть сократить дистанцию.

Вертя головой, он подмечал детали. Город небольшой, но зажиточный. В центре на каждом шагу — бытовая светопись. Чернильное мерцание под входом в ювелирную лавку — сигнал тревоги на случай, если полезут воры. Простенькие шприхи на оконных рамах в особняках — чтобы не залетали мухи и комары. Светоносная нить у богатой дамы на шляпке — не то от жары, не то от мигрени. Отметины на витринах, заставляющие бросить лишний взгляд на товар. И еще амулеты — спрятаны у прохожих в карманах и под одеждой, но темный свет просачивается сквозь ткань.

Обычный человек, разумеется, ничего этого просто не разглядел бы. Но барон фон Вальдхорн не относился к обычным людям. Он был аристократом из Стеклянного Дома, и способность к восприятию светописи имела у него от рождения.

Между тем богатые кварталы остались позади. Булыжная мостовая закончилась, а вместе с нею — дребезжание и тряска. Дрожки покатались по немощеной улице, присыпанной мягкой пылью. Барон вздохнул с облегчением — путешествие становилось приятным. Тем более что и солнце решило дать городу короткую передышку, укрывшись за пухлым облаком.

Чем ближе к окраине, тем реже встречалась светопись. Так, мелькали иногда кустарные насечки на притолоках, едва способные сохранить крохотную чернильную искру. Наивные хозяева полагали, что это защитит от порчи, сглаза и незваных гостей. Впрочем, как подумалось Роберту, вера в такую защиту сама по себе оказывает благотворное (терапевтическое, если угодно) воздействие.

Пыльная лента дороги монотонно разматывалась, тянулась за город. Проползли мимо последние деревянные домики с огородами. Старый лохматый пес, лежавший в тени огромного вяза, поднял голову и приоткрыл пасть, собираясь гавкнуть, но передумал и лишь проводил повозку укоризненным взглядом.

— А что, братец, — спросил барон у возницы, — сам ты отсюда родом?

— Известное дело, сударь, — кучер с готовностью обернулся. — Почитай, всю жизнь

тут провел.

— И как, доволен?

— А чего ж? Не голодаю, крыша над головой имеется.

Энтузиазма в его голосе барон, однако, не уловил и продолжил расспросы:

— Значит, работа нравится?

— Работа-то, она — да, — информативно сообщил кучер. — Папаша мой, опять же, двадцать лет в кучерах. Ну так и я вот...

— Традицию продолжаешь? Похвально. А вот скажи, к примеру, — другие края посмотреть не тянет? Страна-то у нас громадная. Или своя семья уже появилась, держит?

— Нету еще, успеется. — Парень беззаботно потрянул вихрами. — А другие края посмотреть — оно бы, конечно, здорово. Только ведь, сударь, кому я в тех краях нужен? Ту же столицу взять. Вот разве подсказал бы кто...

Он посмотрел на Роберта таким невинным и честным взглядом, что тот невольно усмехнулся и подбодрил:

— И что тебе подсказать?

— Говорят, там такие повозки строят — вроде как паровозы, только без рельсов. Прямо по улицам будут ездить вместо извозчиков. Правда ли? Или врут? Очень уж любопытно.

— Вместо извозчиков — это ты, любезный, загнул. Повозки-то есть, несколько штук построили, но больше для развлечения. Пыхтят, чадят, ломаются постоянно. Так что хлеб у тебя не отобьют, не волнуйся.

Кучер, получив эту исчерпывающую справку, поблагодарил и принялся о чем-то усиленно размышлять. Барон тоже погрузился в раздумья. Вот, извольте видеть — про городские паровички уже судачат даже простолюдины в провинции. А ведь игрушки эти только что появились.

Да, Железный Дом, будь он неладен, умеет привлечь внимание. В последние годы как-то он слишком активизировался, будто встряхнулся от долгой спячки. Клепает свои машины как заведенный. Рельсы вон уже через все страну — и ведь не поспоришь, штука полезная, без них Десятиморье и за месяц не пересечь.

Мало того, «жестянки» лезут в небо. Правда, их пузыри с моторами, дирижабли, летают пока что едва-едва, но кто знает, что будет дальше? А король на все это смотрит и благосклонно кивает...

Солнце выбралось из-за облака и затопило землю новым потоком жара. Роберт, промокнув лоб платком, окликнул возницу:

— А попить у тебя, случаем, не найдется?

— А как же, сударь, — кучер вытащил флягу, встряхнул ее. — Только тут осталось на доньшке. Да и нагрелась, вы уж не обессудьте.

— Ладно, чего уж, — Роберт протянул руку. — Впрочем, погоди. Мы ведь сейчас через ту деревню поедem? Вон, впереди?

Но извозчик его разочаровал:

— Нет, сударь. Развилка тут, видите? Деревня прямо, а нам налево, к мосту. Хотя можем заехать, коли желаете. Крюк небольшой.

— Нет, не нужно, — решил барон. — А вон там что за домик?

До деревни оставалось еще с четверть мили, но один из домов стоял на отшибе, рядом с развилкой, и до него было рукой подать. Простенький, но опрятный, с белеными стенами и соломенной крышей, он, казалось, сошел с картинки. Трава вокруг зеленела ярко, будто

ранней весной. Яблони, на которых обильно завязались плоды, обнимали деревянный заборчик. Синие ставенки были распахнуты, как ресницы.

— Травница живет, с бабкой, — пояснил кучер.

— Что за травница?

— Ух, красивая девка. Только хитрая больно.

В дальнейшие пояснения он, вопреки ожиданиям, вдаваться не стал. Роберт почувствовал любопытство, да и ноги захотелось размять.

— Знаешь, братец, загляну-ка я к твоей травнице. Воды попрошу. А ты здесь подожди, я быстро.

— Как прикажете, сударь.

Барону почудилось, что эта последняя фраза прозвучала слегка насмешливо. Он быстро взглянул на кучера, но тот смиренно потупил взор. Роберт хмыкнул и выбрался из повозки.

От резкого движения голова закружилась. Барон, покачнувшись, ухватился за бортик. В глазах потемнело — весь мир вокруг налился чернильным светом. Мрак, пропитанный приторно-сладким запахом, сочился прямо из воздуха, сгущался, стискивал горло. Исчезла дорога, повозка канула в темный омут. Лишь впереди сквозь липкую пелену еще виднелся домик с синими ставнями; Роберт впился в эту картинку, как утопающий — в спасательный трос, и рванулся к ней, почти теряя сознание.

Ноги будто застряли в густой смоле, но он все-таки сумел сделать шаг и сразу почувствовал, как черные пути рвутся. Воздух ворвался в легкие, солнечный свет прорвался сквозь мрак, и тот рассыпался хлопьями.

— Сударь, что с вами?

Барон ответил не сразу. Несколько раз глубоко вздохнул, осторожно повел головой из стороны в сторону. Что это сейчас было? Перегрелся на солнце? Скорее всего. Но вроде все обошлось. Не тошнит даже, только слабость в ногах, и пить хочется совсем уже нестерпимо.

— Все в порядке, — сказал он кучеру. — Жди.

Сошел с дороги и двинулся через лужайку к дому. Трава была по колени — мягкая и густая, как ворсистый ковер. Нагнувшись, он прикоснулся к ней и ощутил ладонью прохладу, неведомо как сохраненную до полудня.

Дверь отворилась, и ему навстречу шагнула девушка — среднего роста, смуглая от загара, в простом домотканом платье без украшений. Волосы перехвачены узкой лентой, серые глаза смотрят приветливо и спокойно.

— Здравствуй, хозяйка, — сказал Роберт. — Воды бы напиться, а то в горле пересохло — сил нет.

— Здравствуйте, сударь. Сюда, прошу вас. Передохните, я мигом.

Она указала ему на скамейку под яблоней. Роберт сел, и тень окутала его ласково, отгородила от злого солнца. Он вытер лицо и ослабил ворот сорочки. Девушка уже шла к нему с огромной глиняной кружкой.

Вода была сладкая, будто в сказке, восхитительно-ледяная — даже слегка заломило зубы, когда он сделал несколько нетерпеливых глотков. Зато в голове окончательно прояснилось.

— Спасибо, красавица. Звать-то тебя как?

— Яна.

Роберт снова оглядел дворик. Машинально отметил, что светопись отсутствует совершенно — нет даже пресловутых насечек на притолоке. Отпил еще воды,

поинтересовался лениво:

— Так, значит, с бабкой живешь?

— Да, сударь. — Его осведомленность она приняла как должное.

— И не страшно тут, на отшибе?

— Чего ж нам бояться? — Травница отвечала вежливо и с почтением, но ни капли не тушевалась. Смотрела прямо.

— Ишь ты. А воры если?

— Что ж они, дурные совсем?

Барон рассмеялся. Разговор ему нравился.

— Сама посуди — собаку вы тут не держите, заборчик хлипкий, только для красоты. Кто же вас защитит в случае чего? Вот был бы я, к примеру, грабитель — что бы ты стала делать?

— Тогда иная была бы встреча. Вы, сударь, и до забора бы не дошли.

— С чего вдруг? Что меня остановит? Охранного света — ни единого проблеска.

— Свет ваш, чернилами разведенный, нам ни к чему. И без него управимся.

— Ох, красавица. — Настроение у Роберта улучшалось с каждой минутой. — Значит, светопись тебе не мила? Ты прямо как те стратеги из Железного Дома. Еще чуть-чуть — и скажешь, что надо машины строить.

— А и то. Светопись ваша многим ли по карману? Такая, чтоб всерьез помогла? В городе вон у каждого второго дверь исцарапана. Последние гроши отдают — защита, дескать. А толку? Света в этих насечках — тьфу, капелюшечка, кошка на хвосте унесет. Вор заберется — даже и не почешется. Или ошибаюсь я, сударь?

Барон собирался уже сострить на тему того, какие умные нынче пошли селянки, но глянул на собеседницу и придержал язык. Понял — шутки сейчас не к месту. Нет, она не обидится — просто пожмет плечами, да и вернется в дом. И разговор на этом будет закончен. А такая перспектива ему, Роберту, отчего-то совсем не нравилась.

Поэтому ответил серьезно:

— Видишь ли, сделать настоящую охранную светограмму — это работа, требующая серьезной квалификации. И стоит она недешево, специалистов мало. Вот, например, сейчас я видел ювелирную лавку — там все на совесть сделано. А в простых домах, которые на окраине... Если кто-то по дурости готов платить шарлатанам — это его проблемы. По-моему, все просто. Ну, хозяйюшка, чего же ты хмуришься? Не соврал ведь, объяснил все как есть.

— Вижу, что не соврали, сударь. И простите, если поперек что скажу. Только ведь шарлатанам не по дурости платят, а по неведению. Откуда же людям знать, как правильно все устроить, если те, кто светом всерьез владеют, секреты промеж собою хранят? А коли уж поделятся с кем, то три шкуры взамен сдирают.

— Ну-ну, не преувеличивай. Да, светопись доступна не каждому. Это, однако, не чьи-то происки, а законы природы. Врожденный дар имеется не у всех. Что ж поделаешь? Но если он есть — пожалуйста, иди учись, чтобы использовать его эффективно. Никто эти знания за семью замками не держит. В университеты, заметь, принимают даже простолюдинов.

— Может, и принимают. Только с дырой в кармане туда все равно не сунешься. Да и сколько тех университетов — с десятков на всю страну наберется?

Роберт подумал, что в этом она права. Учебных заведений, где преподают светопись, очень мало, и программа там сложная, нацеленная на то, чтобы студент стал мастером высочайшего класса. Отсутствуют, условно говоря, ремесленные училища для средних умов.

Так уж повелось исстари.

Считается, что мастера света должны быть интеллектуальной элитой. Нельзя, мол, чтобы такие навыки достались глупцам. Звучит логично, но в результате многие, не попав в университет, пытаются развить дар на свой страх и риск, а потом шарлатанствуют по углам. Споры об этом идут не первый год и даже не первый век. Но официальная позиция неизменна: слабые самоучки — меньшее зло, чем сильные дураки.

Объяснять все это травнице барон, конечно, не стал. Сказал примирительно:

— Пойми, абсолютного равенства не бывает. Это любого дела касается. Мы вот вспомнили с тобой про машины — они разве всем доступны? Тот же поезд хотя бы. Если в вагон не пустят, потому что на билет не хватило, тоже начнешь возмущаться и руками махать?

— Нет, не начну, я тихая. — Она улыбнулась. — Зато там, где машины, шарлатанам меньше раздолья. Вот, положим, наскребла я все-таки на билет, села в вагон, а он никуда не едет. Тут даже я пойму — дурят глупую девку. Без всякого дара соображу. Не то что с вашим светом заумным.

— А ведь и правда — хитрая, — заметил барон.

— Такая уж уродилась. А что же мы, сударь, с вами все во дворе сидим? Пойдемте в дом, обедать самое время. Картошечка с маслицем, да и еще кой-чего найдется.

— Прости, красавица. — Барон с сожалением развел руками. — Пора мне, в городе ждут. Впрочем, я в ваших краях еще неделю пробуду, а то и две. Может, как-нибудь загляну. Не выгонишь?

— Приезжайте, — просто сказала Яна. — Я буду рада.

Роберт поставил кружку на лавку, приподнял на прощанье шляпу и зашагал обратно к дороге. Забрался в повозку, кивнул кучеру — можно ехать. Оглянулся на дом. Девушка, стоя у калитки, смотрела вслед.

Дрожки катили по наезженной колее, а Роберт фон Вальдхорн, советник кронпринца Альбрехта, вспоминал свой неожиданный диспут с сельской девчонкой. И думал о том, что последнее слово, как ни крути, осталось за ней.

Только когда лошадь добрела до моста и солнце, окунувшись в реку, взметнуло сноп золотистых искр, барон встряхнулся. В двадцатый раз за день приложил ко лбу промокший платок и спросил возницу:

— А бабка у нее — тоже травница?

— Вроде того. Люди разное говорят.

— Разное? Например?

Возница пожал плечами, сплюнул в дорожную пыль и буркнул сквозь зубы:

— Ведьма.

Фон Рау проснулся около девяти. Выпил чаю и снова отправился в кабинет, чтобы дочитать рукопись.

Ночью ему привиделся весьма любопытный сон. Генрих словно бы сам пережил все то, о чем успел прочесть накануне. Сон был подробный, поразительно яркий, насыщенный запахами. Даже теперь, после пробуждения, чудилось временами, что ноздри щекочет пыль, поднятая с дороги горячим ветром, и пот стекает по лбу.

Приснились, правда, и такие детали, которых не было в тексте. Например, полуобморок у развилки, когда барона окружил мрак. В рукописи ни о чем подобном не говорилось, и Генрих решил, что эта сцена порождена его собственным подсознанием. Такая вот реакция на события вчерашнего вечера, когда ему привиделись чернильные тени в комнате.

Итак, если верить тексту, барон до своего отъезда в столицу навестил девушку еще дважды. Та оказалась отнюдь не глупа, и беседы с ней запомнились аристократу надолго. Надо полагать, беседами дело не ограничилось, но эту тему автор деликатно обходил стороной. Впрочем, не нужно быть гением, чтобы сложить два и два. Травница из рукописи — это мать убитого аптекаря. А Роберт фон Вальдхорн, вероятно, его отец, не признавший ребенка официально, но помогавший деньгами.

Что это дает для расследования? В практическом плане — не так уж много. Разве только подтверждается версия, что убийство имеет отношение к высшему свету.

Барон — фигура весьма и весьма известная. Шутка ли — многолетний советник нынешнего монарха. Проблема в том, что советник этот умер года два или три назад, и расспросить его уже не получится.

Остальные же главы рукописи, с которыми Генрих ознакомился после завтрака, ничего интересного не добавили. В них не содержалось ни малейших намеков на связь с чередой смертей.

Опять тупик? Ну и ладно. Ему-то, Генриху, что за дело? Он выполнил все, что от него зависело, а дальше пусть начальство ломает голову. Пора звонить генералу.

Надо прикинуть только, о чем конкретно докладывать.

Значит, историю с бароном и травницей можно изложить как есть.

А вот что касается «фаворитки»...

Про письмо, полученное вчера от нее, упоминать, пожалуй, все же не стоит. Иначе возникнет резонный вопрос — с чего это предполагаемая преступница переписывается с Генрихом? И объясняй потом, что сам он — ни сном ни духом. Все равно не поверят, а могут и под замок посадить.

Но и совсем промолчать о «фаворитке» нельзя. Просто нужно правильно сформулировать.

Рассудив так, он снял трубку телефонного аппарата. С генералом соединили сразу. Тот выслушал пересказ отрывка из рукописи, потом пробурчал:

— Отец жертвы — королевский советник? Только этого не хватало.

— Да уж, клубок завязался.

— Будем распутывать. И думать, кто здесь может помочь.

— А сам автор рукописи? Вы собирались его найти.

— Нашли. Расспросили. Он тоже не понимает, почему вдруг профессор Штрангль

заинтересовался его работой — именно сейчас, в эти дни. Говорит, что рукопись много лет пылилась на полке, и никто о ней даже не вспоминал. Похоже, искренне расстроен смертью профессора. Уверяет, что всегда уважал его, хоть и был вечным оппонентом.

— А в доме Штрангля улики так и не отыскились?

— Реальных зацепок нет. Правда, появился один интересный штрих, когда немного отфильтровали засветку. Эксперты теперь считают, что отсвет убийцы — скорее женский.

«Ага!» — подумал Генрих, а вслух сказал:

— Женский? Тогда есть одна догадка. То есть не догадка даже, а так — попутное замечание. На столе у профессора лежал фолиант, открытый на странице со старым фото...

— Вы про ту брюнетку, что на балу? Мы на нее обратили внимание, когда сопоставили снимок и последнюю пометку в блокноте. Пытаемся выяснить, что за дама. Пока безуспешно.

— Да, я тоже попробовал. Списался вчера с историками. Никто про нее не знает. Странно, правда?

— Еще бы. Причем у меня такое чувство, что я ее где-то видел, но не могу вспомнить, при каких обстоятельствах. А ведь на память я никогда не жаловался. В общем, даму мы ищем и очень хотели бы побеседовать. — Судя по интонации, генерал усмехнулся. — Я ее даже в подозреваемые готов записать. Хотя бы чисто условно, ввиду отсутствия других вариантов.

Генрих мысленно похлопал в ладоши. Спросил:

— От меня что-нибудь еще требуется?

— Пока нет. Если что, я с вами свяжусь. Рукопись отдадите нашему сотруднику. Он сейчас в вашем городке по делам, так что заглянет в полдень.

— Как скажете, Теодор. До свидания.

Генрих положил трубку и задумался — что за дела у сотрудника «тройки» в тихом предместье? Хотя да, ведь тут расположен факультет светописи... Собственно, именно по этой причине он здесь поселился, когда еще занимался преподаванием.

Ладно, до полудня осталось уже недолго, а потом можно выбросить контору из головы. И собираться на встречу с зеленоглазой библиотечаршей.

За ночь небо очистилось. Его лазурную ткань скрепляла золотая запонка солнца. Деревья, обсыпанные инеем, замерли неподвижно, будто позируя, — ветер не решался вздохнуть, чтобы не испортить картину.

Мороз заметно усилился. Генрих опять порадовался, что в свое время приобрел у заезжих купцов из Зимней империи полушубок, скроенный по тамошней моде: толстая дубленая кожа на меховой подкладке. Полушубок этот смотрелся, правда, несколько экзотично, зато уж и грел на совесть.

Ехать на этот раз было куда веселее, чем накануне, когда его ожидал генерал. Солнце, разогнавшее мглу, вымело заодно и самые мерзкие из вчерашних воспоминаний. Генрих, сидя в вагоне, лениво смотрел в окно на седые поля и посеребренные перелески. А выйдя на столичном вокзале, даже не оглянулся на пакгауз, за которым вчера нашли растерзанный труп.

К университету добрался вовремя. Выбрался из экипажа, но извозчика не стал отпускать. И почти сразу увидел зеленоглазку, спешившую к нему через сквер.

Подумалось, что Железный век, несмотря на лязг и угольный смрад, все же имеет свои

приятные стороны. Он, например, совершенно неожиданно повлиял на женскую моду.

Лет десять назад принцесса Эмилия вдруг увлеклась техническими игрушками. Она, конечно, не копалась с гаечным ключом в механизмах, но постоянно требовала то показать ей машинное отделение парохода, то устроить экскурсию в мастерскую, то пустить за руль паровой повозки. И жаловалась, что пышные юбки, волочащиеся по полу, для таких забав совсем не подходят — мало того что пачкаются, так еще и цепляются за все подряд. В общем, однажды дочь короля появилась на публике с подолом, укороченным до середины голени. Ревнительницы традиций чуть в обморок не попадали, зато модницы схватили все на лету. С тех пор каждый год линия длины продвигалась как минимум еще на полдюйма вверх и доползла уже до колен.

Библиотекарша, кутаясь в рыжую шубку, добежала до Генриха. Он подал ей руку, помог залезть в экипаж. Едва сел рядом, как она спросила жадно:

— Герр фон Рау, а как расследование? Убийцу уже поймали? У нас все только об этом и говорят. Ко мне пристают с расспросами, но я ничего не рассказывала, честное слово!

— Вы молодец, фройляйн Майреген. Я вам благодарен за помощь. Но убийца, к сожалению, еще не найден.

— А рукопись вы прочли? И ту, вторую книжку? Там есть подсказки? А про чертополох догадались — при чем он тут? А мне расскажете?

Он рассмеялся, она тоже хихикнула. Сказала:

— Да-да, я помню! Секреты нельзя выпытывать.

— Но главную тайну я вам все-таки выдам. Надеюсь только, вы не разочаруетесь. Дело теперь ведут другие сотрудники, а я — просто зритель.

— Ой, это вас вот так наказали?

— Ну что вы. Это меня вот так поощрили. Я с гораздо большим удовольствием проведу время с вами.

— Правда? Тогда я буду гордиться и важничать. Меня сопровождает мастер-эксперт! Правильно ведь? Так у вас на жетоне было написано?

— Ну да. Должность так называется.

— Значит, светописью владеете мастерски. Завидую вам!

— Точнее, раньше владел. Сейчас — только теоретически.

— А что случилось?

Она заглянула ему в глаза, и Генрих понял, что, пожалуй, впервые за двадцать лет этот вопрос ему задают не из праздного или научного любопытства, а просто с сочувствием и тревогой. И ответил, осторожно подбирая слова:

— Видите ли, я участвовал в научном эксперименте, но он окончился неудачно. С тех пор мои способности заблокированы. Наложено затворяющее клеймо.

— Ужас какой. Простите.

— Ничего страшного. Дело давнее.

Экипаж подкатил к входу в городской парк. Нынешние гуляния были приурочены к юбилею университета, и народ валил валом, несмотря на мороз. Слышались музыка и разноголосый гомон. Солнце проглядывало сквозь ветки, между деревьями пестрели гирлянды. На каждом шагу торговали выпечкой, калеными орехами, леденцами. Воздух пах ванилью, корицей и сладким дымом.

Генрих с зеленоглазкой, побродив немного между лотками, вышли к помосту, на котором подмороженный миннезингер в стилизованном средневековом наряде воспевал

Прекрасную Даму и терзался из-за того, что та никогда ему не ответит. При этом клятвенно обещал не сдаваться и петь, пока не помрет, аминь.

Дослушав, зашли погреться в павильончик, где предлагался горячий шоколад и глинтвейн. Устроились за крошечным деревянным столом, и Генрих спросил:

— Ну, и как вам эта... гм... вдохновенная песнь?

— Чувствую в ваших словах иронию. — Она погрозила пальцем. — Но не пугайтесь, я и сама не люблю, когда вот так заунывно. Просто голос у него уж больно красивый.

— Как это правильно называется? Ода?

— Плач любви — потому что чувство у него безответное. Заслуженный старинный жанр, между прочим. Еще у миннезингеров бывает рассветная песня — альба, лейх, пастурель, воспевание времен года...

— Погодите, пастурель — это...

— Это когда пастушка и рыцарь. А само слово — из окситанского языка.

— Вы, оказывается, тоже мастер-эксперт.

— Представьте себе. Даже в университете все это изучала.

— Какой у вас, кстати, был факультет?

— История искусств.

— Серьезно? А такой существует?

— Несколько лет уже. Правда, он пока самый маленький.

— Надо же. Как-то мимо меня прошло. Старею, наверное.

Генрих вздохнул и сделал добрый глоток глинтвейна. Спутница взглянула лукаво:

— Ну-ну, герр фон Рау, не надо кокетничать. Вы вовсе не старый.

— Тогда, знаете, у меня предложение. Называйте меня Генрихом. Если честно, я это «фон» терпеть не могу. А по именам — это, по-моему, вполне современно. Тем более мы с вами со вчерашнего дня — партнеры в расследовании.

— Тогда и вы меня называйте Анной. А почему не любите «фон»? Или вы так образцово скромны, что стесняетесь указания на дворянство?

— Дело не в скромности, просто обстоятельства так сложились. Дворянство мое — не наследное, а пожалованное. Отец был из бюргеров. Сам же я до двадцати трех лет был Генрих Рау, без всяких «фон». А ту историю, после которой мне прилепили благородную приставку к фамилии, не хочется лишний раз вспоминать.

— Это связано с экспериментом, из-за которого?.. — Она не договорила.

— Да, с ним. Когда программу прикрыли, мне дали пинка под зад, а в утешение сунули дворянскую грамоту. Ну и денег еще — довольно приличную сумму, надо признать. Но это было совсем не то, к чему я тогда стремился.

Он махнул рукой, допил свою порцию.

— Впрочем, что теперь говорить. Пойдемте лучше еще послушаем, — Генрих кивнул на помост, который был виден в окно. — Там уже вроде повеселее.

Новый артист выступал в комическом жанре. Персонаж, которого он представлял, был порождением Железного века и звался Ганс Шестеренка. Поставив шляпу с зубцами на край помоста, чтобы зрители могли бросать медяки, он приплясывал, тренькал на лютне и пел куплеты. Генрих и Анна пропустили начало, но поняли, что комик обличает некую ретроградку:

Как завидит паровоз —

аж шипит от злости.
От машин воротит нос,
мрачна, как на погосте,
нелюдима, зла, глупа
и с лиловой мордой.

Вся в колючках и шипах —
зато смотрит гордо.
Вот, народ, мораль тебе —
сразу жди подвоха,
коль увидишь на гербе
куст чертополоха!

Услышав последнюю фразу, они переглянулись. Анна предложила:
— А давайте его расспросим? Пусть расскажет, чем этот шедевр навеян.
— Давайте, раз уж мы здесь.

Генрих взял ее за руку, и они стали пробираться через толпу. Комик как раз закончил свой сольный номер, раскланялся и спрыгнул с помоста. Беззаботно зашагал прочь, свернул в боковой проход.

Они догнали его в закоулке с тыльной стороны очередного деревянного павильона. Генрих достал из кармана серебряную монету в полмарки и окликнул:

— Любезный, можно вас на минуту?

— Да, благородные господа?

Куплетист сгреб деньги и изобразил шутливый поклон. Он него отдавало шнапсом, а на скуле красовалась свежая ссадина.

— Что за песенку вы сейчас исполняли? Про чертополох на гербе. Может, есть еще что-нибудь подобное?

— О, сударь, что за вопрос? У меня их столько, что хватит на целый сборник. Были бы только истинные ценители. — Он выразительно потер пальцами друг о друга.

— Считайте, что они у вас есть. Мы пропустили начало — можете повторить?

— С искренним удовольствием.

Комик ударил по струнам, открыл рот, но будто бы подавился. Захрипел, мучительно пытаясь вздохнуть. Глаза у него вылезли из орбит, ноги подкосились. Он сполз по стене, завалился на бок, словно бурдюк. Кожа на горле лопнула, и окровавленные шипы полезли наружу.

Анна тихонько вскрикнула, побледнела. Опасаясь, что она лишится чувств от испуга, Генрих подхватил ее и усадил на перевернутый ящик, валявшийся у стены. Сам присел перед ней на корточки:

— Тихо, тихо, не бойтесь. Просто не смотрите туда.

Она послушно кивнула. Он хотел сказать еще что-нибудь успокаивающее, но тут за его спиной раздался смешок, и женский голос произнес:

— Не волнуйтесь, Генрих, девочка не будет смотреть. Она заснет на пару минут, пока мы побеседуем с вами.

И действительно — глаза у Анны закрылись, лицо разгладилось, а дыхание стало ровным. На губах даже появилась улыбка. Библиотекарша мирно дремала, привалившись спиной к стене.

Генрих медленно распрямился и обернулся.

Впервые он видел «фаворитку» вот так — напрямую, а не в отражении на стекле. И мог рассмотреть детали.

На первый взгляд она ни капли не постарела по сравнению с тем снимком двадцатипятилетней давности. Черты, как у античной богини, гладкая чистейшая кожа, густые темные волосы с медным отливом. Да, она и сегодня дала бы фору соперницам на королевском балу — по любым сколь угодно строгим критериям.

За исключением одного-единственного штриха, который смазывал всю картину.

Красота ее выглядела безжизненной, будто погасла искра, освещавшая лицо изнутри. И Генрих знал, в чем причина.

Светопись позволяет (за астрономическую сумму, естественно) сохранить молодое тело. Вот только очарование юности заморозке не поддается. И когда сквозь мордашку цветущей барышни проступает оскал пресыщенной стервы, наука помочь не в силах.

Наверняка «фаворитка» все это понимала, но сдаваться не собиралась. Куда там! Наряд у нее был смелым, если не сказать вызывающим, и опережал движение моды как минимум на пару сезонов. Юбка заметно выше колен, сапожки с тонкими высокими каблуками, короткая, но роскошная снежно-белая шуба. Длинные волосы с тщательной небрежностью рассыпаны по плечам.

— Налюбовались, Генрих?

— Да, — буркнул он, — спасибо. Я, кстати, не знаю вашего имени.

— Можете звать меня Сельмой.

— Что с ним случилось? — Генрих кивнул на труп, остывающий в луже крови. — Это вы с ним такое сделали?

— Он потерял чутье. Перестал улавливать, в чем состоит веление времени и тонкость исторического момента. А это, знаете ли, смерть для художника.

— А вы, значит, ни при чем?

— Ему просто не повезло, что я оказалась рядом. Из-за этого его ощущения стали — как бы это выразиться? — более острыми. Но я за ним, естественно, не охотилась. Зачем он мне? Всего лишь мерзкий, убогий шут.

— А трое других? Механик, аптекарь и профессор истории? Тоже попались под горячую руку?

— Ну что вы, ни в коем случае. К встрече с ними я готовилась много лет.

— Зачем?

— Чтобы направить через них поток света. И если бы существовал способ сохранить им при этом жизни, я, поверьте, была бы счастлива. Они достойные люди и не сделали мне ничего плохого. Безвинные жертвы. Но, к моему глубочайшему сожалению, иначе было нельзя.

Она говорила спокойно, с искренней убежденностью. И от этого Генриху стало по-настоящему страшно. Он скрипнул зубами, взял себя в руки.

— Куда направлялся поток? На какую цель? И почему именно через этих людей?

— Слишком много вопросов, Генрих. — Она обворожительно улыбнулась. — Согласитесь, если все заранее объяснить, то будет неинтересно. Ваши коллеги-ищейки утратят стимул.

— Это для вас игра?

— Это дело всей моей жизни. И оно еще не закончено, поэтому извините — ответов пока не будет. Просто знайте — я стараюсь не только и не столько ради себя.

— Ради кого тогда?

— Ради таких, как мы с вами, Генрих.

«Фаворитка» подошла, прикоснулась к его плечу. И опять Генрих был уверен — она не заигрывает, не пытается задурить ему голову, а действительно хочет нечто донести до него. Спросил:

— Что значит «таких, как мы»?

— Я говорю о тех, для кого светопись — не развлечение, не ремесло, позволяющее заработать на хлеб, и не разменная монета в политике. О тех, для кого светопись — это дверь, ведущая в новый мир, на ступеньку выше.

— Вы меня с кем-то спутали. Я не владею светописью.

— Нет, Генрих, не спутала. Я же вижу — вы прекрасно поняли мою мысль.

— А я вижу перед собой сумасшедшую, которая убивает людей. И самое лучшее, что сейчас можно сделать, — это отвести вас в контору, — он ухватил ее за плечо, — чтобы кошмар закончился.

— Увы, Генрих. От визита в контору я вынуждена пока отказаться.

Она подняла свободную руку и провела указательным пальцем перед его лицом сверху вниз. Будто желала начертить прямо в воздухе вертикальный штрих — символ «лед», одиннадцатую руну старшего алфавита. Генрих почувствовал, что не может пошевелиться. Даже выругаться не получилось — язык будто примерз к гортани.

— Все хорошо, не пугайтесь. — «Фаворитка» ободряюще кивнула ему. — Вам понятен смысл этой демонстрации? Ах да, простите, говорить уже можно.

— П-понятен...

— Тогда можете разжать пальцы и отпустить меня.

Он отдернул руку и уставился на Сельму во все глаза. То, что она сейчас сделала, было невероятно.

Чтобы задействовать светопись, требуется носитель, твердый материал — дерево, металл, камень. На поверхности делаются насечки, которые удержат чернильный свет. На этой аксиоме построен весь теоретический курс, вся система преподавания. А «фаворитка» играючи обошла ограничение — буквально на пустом месте. И так же легко отменила действие. Это ведь...

Да, вот именно.

Это то, чего пытались добиться в ходе того приснопамятного эксперимента — под наблюдением лучших специалистов, с использованием всех ресурсов конторы. С добровольцами творили такое, что четверо из пяти вскоре сошли с дистанции. Остался лишь Генрих. Он боялся тогда, что сдохнет, валялся в полубреду и все же слышал однажды, как кто-то из наблюдателей произнес недоверчиво: «Качественный скачок».

А на следующий день его величество дал отбой. Решил, что страна к таким вещам еще не готова. И сейчас, глядя на Сельму, Генрих подумал, что, возможно, король был все-таки прав.

— Как? — спросил он. — Как ты этому научилась?

— Я просто поняла главное. Надеяться можно лишь на себя. Надеяться и терпеть — и тогда получится то, во что другие не верят. Пусть даже для этого потребуются годы.

— Ты трансформировала свой дар в одиночку? Без посторонней помощи? Знаешь, мне с трудом в это верится. Кто-то должен отслеживать со стороны, корректировать...

— Правда? Ладно, давай сравним. У тебя имелись такие корректировщики, целая свора. И чем они тебе помогли? Будь честен сам с собой, Генрих. Тебя оскотили. Без дара ты просто огрызок, червяк, который боится выползти за порог. Последние двадцать лет ты не живешь, а в лучшем случае существуешь.

— Тебе кажется, что ты хорошо меня знаешь?

— Я знаю о тебе более чем достаточно. Ты очень помог мне — я, глядя на тебя, поняла, каких ошибок следует избегать, чтобы жизнь не пошла насмарку. В этом смысле ты был моим маяком. Я думала о тебе каждый раз, открывая канал.

Генриху сразу вспомнились слова генерала, произнесенные на месте убийства: «Вас тут не было, это ясно. Была словно бы мысль о вас». Ну да, при таком расходе энергии даже мысль обретает реальный ответ.

И кстати, о побочных эффектах.

— Объясни про чертополох. Почему он прорастает там, где ты побывала? У профессора — просто джунгли. Или ты настолько свихнулась, что специально его выращивала?

Она поморщилась:

— Генрих, ну что за глупости? Ты и сам догадываешься, что в доме он материализовался случайно. И нужен был совсем не для этого.

— А для чего?

— Это символ, на который замкнут канал. Простой, но изящный ход, который, признаюсь, тешит мое тщеславие. Невзрачный цветок, способный сотворить чудо.

— Не понимаю.

— Поймешь и оценишь, увидев целиком всю картину. Потерпи, я ведь обещала, что осталось недолго.

В парке все так же звучали веселые голоса, кто-то смеялся. Бренчали струны, вызывая аплодисменты. Но в закуток, где лежал убитый, никто ни разу не заглянул. Люди словно сговорились обходить его стороной — или просто не замечали. «Фаворитка» позаботилась, не иначе.

— Скажи, Сельма, а ты действительно знакома с кронпринцем? В смысле с нынешним королем?

[Купить полную версию книги](#)